

криминальная мелодрама

А л е н а ВИНТЕР

Все имеет свою цену...
Бесценна лишь любовь...

Богиня любви,
или Она не прощает
измен

Алена Винтер

**Богиня любви, или
Она не прощает измен**

«ЭКСМО»

2011

Винтер А.

Богиня любви, или Она не прощает измен / А. Винтер —
«Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52009-1

Жизнь Риты изменилась слишком быстро. Несколько лет она бездумно прожигала время в ночных клубах, страдая от невнимания отца, который воспитывал дочь один. Но потом умер Костя, единственный друг, и девушка едва не сломалась от отчаяния... Судьба сжалилась над ней, подарив встречу с Анри, который изменил ее представление о любви. А еще в жизни Риты неожиданно появилась мама, оставившая их с отцом много лет назад. Но это не принесло им счастья! Ведь Эльза ван дер Ассен – так теперь зовут мать Риты – связана с одним из крупнейших криминальных авторитетов Европы. Сейчас, когда враги Эльзы узнали о существовании ее дочери, Рите угрожает серьезная опасность! Да и встреча с Анри, как выяснилось, была вовсе не случайной...

ISBN 978-5-699-52009-1

© Винтер А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	34
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	42
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алена Винтер

Богиня любви,

или

Она не прощает измен

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Рита проснулась оттого, что очень хотела пить. Во рту пересохло, дыхание было горячим, и создавалось впечатление, будто язык прилип к нёбу. Она пошевелила онемевшими плечами и зажмурилась от подкатившей к горлу тошноты. Видимо, вчера с Костиком они превзошли самих себя в количестве принятого внутрь спиртного. А может, еще что-нибудь добавили сверху? Кажется, Костик, известный любитель новых ощущений, предлагал понюхать, а она отказывалась. На этом моменте воспоминания Риты о прошедшей вечеринке заканчивались. Она не могла восстановить в памяти, как провела остаток ночи и, главное, как добралась домой.

Аккуратно поднявшись, так, чтобы резкими движениями не потревожить и без того ноющее тело, Рита прошла в ванную и жадно напилась воды. Потом ополоснула шею и лицо и снова вернулась в постель. Только в этот момент она заметила, что в комнате царит полумрак, несмотря на то, что время уже давно перевалило за полдень. Маловероятно, что Рита сама задвигала шторы. В таком опьянении, в котором она находилась, думать о комфортном утре и о том, чтобы солнце не потревожило сон, она явно не смогла бы. Значит, это сделал тот, кто встречал ее. Сердце тревожно заняло в груди. Если этим человеком был отец, то ей крайне не повезло. Рита помнила их последнюю ссору, когда она, смелая от выпитого алкоголя, выкрикивала оскорбления за то, что он смеет указывать ей, как жить. Также помнилась боль от пощечины и наказание за наглое поведение. От мыслей об отце голова разболелась еще больше. Рита посмотрела на часы. Два часа. Отец в офисе, приедет домой не раньше шести. Значит, нужно исчезнуть до того, как он вернется.

Поднявшись с постели, Рита подошла к зеркалу. «О господи!» – вырвалось у нее. Опухшее лицо с толстыми, набрякшими веками, бледные щеки, покрывшиеся непонятного цвета пятнами, всклокоченные волосы и тощее дрожащее тело. Все это одновременно вызывало и жалость, и отвращение. Рита показала незнакомке, которая осуждающе смотрела на нее из зеркала, неприличный жест рукой, со вздохом присела у стены, уткнулась лбом в худые колени и расплакалась. Такой ненависти к себе, как в ту минуту, она еще не испытывала. Впрочем, она всегда болела после обильной выпивки. Но раньше от чрезмерной дозы алкоголя страдало лишь тело, теперь Рита ощущала, что физическая боль не идет ни в какое сравнение с теми муками, которые испытывает душа. Стыд за потерю контроля над собой смешался с безразличием от увиденного в зеркале, к ним же добавились сожаление и страх. Итогом той бури чувств, которая бушевала в Рите, было отчаяние. Оно охватило ее всю без остатка, безжалостно пульсировало внутри головы, напоминая, что Рита зашла слишком далеко. Его яд насквозь пропитал душу, однако телефонный звонок, позволивший переключить внимание с самобичеваний на телефонный аппарат, свел все внутренние воспитательные мероприятия к нулю. О жалости к себе и стыде забылось, едва Рита увидела на дисплее имя звонившего.

– Костик, – прохрипела она в трубку, – что мы вчера творили? Мне так плохо, что я языком шевелить не могу.

– Действительно плохо?

– Очень, – Рита облизала горячие губы. – Ты в курсе, кто меня домой привез?

Костик засмеялся в трубку, и Рита болезненно сморщилась от этих громких звуков.

– Ирма. Забыла?

– Вот черт! – Рита в ужасе прикрыла ладошкой рот. – Все, Костик. Мне полный... – выругалась она.

– Не ной, – отмахнулся Костик. – И без того голова болит. Между прочим, то, что может устроить твой отец, стыдливо меркнет рядом с экзекуцией, которую мой родитель привел в исполнение нынешним утром.

– Ты еще жив? – хихикнула Рита.

Костик не стал отвечать на глупый вопрос, лишь пробурчал, что ждет Риту в их кафе на Невском через два часа. Забыв о душевных муках, которые еще несколько минут назад решительным штурмом вынудили ее дать обещание измениться, Рита беззаботно размышляла о предстоящей встрече с Костей Маховым и о том, как они проведут надвигающиеся выходные. Единственное, что омрачало веселость, – это мысль об Ирме, любовнице отца, которая доставила ее домой в бессознательном состоянии. Как та могла узнать, в каком из клубов они с Костилом зависли? Хотя, зная эту проницательную сучку, можно было предположить, что она намеренно следила за Ритой, чтобы в очередной раз выставить перед отцом в дурном свете.

Как всегда при воспоминании об Ирме, Риту затрясло от ненависти. И все же она не могла не признать, что ее предположение лишено разумности. Вряд ли Ирма опустилась бы до того, чтобы неотступно следовать за ней по клубам. Нет, Ирму невозможно было представить входящей в подобное заведение. Аристократичная госпожа Пейве, обладающая таким высоким уровнем чувства собственного достоинства, что могла пошатнуть уверенность самой королевы, – и в толпе пьяной, не контролирующей себя молодежи? Слишком неправдоподобно звучит. Внезапно Рита вспомнила, что сама звонила ей, противно хихикала в трубку, требуя, чтобы она забрала ее и Костика. Прошлый вечер начал складываться из разрозненных кусочков в целостную картину. Рита также вспомнила, что Ирма ничего не сказала в ответ на грубость, появилась в клубе спустя час и силой вытянула ее, отчаянно брыкающуюся, на улицу. Потом она что-то говорила, но Рита, как ни пыталась, не смогла воспроизвести ни слова из той обличительной тирады, которая сопровождала ее по дороге домой. А может, Ирма молчала и это воспаленное сознание Риты хотело думать, что ее ругают? По крайней мере, тогда появился бы еще один повод ненавидеть будущую мачеху.

Отмахнувшись от мыслей об Ирме, Рита приняла холодный душ. Быстро высушила короткие волосы, натянула джинсы и легкую футболку и выглянула в коридор. В квартире было тихо. И все же, соблюдая осторожность, Рита неслышно направилась к выходу. У кабинета отца она остановилась и прислушалась. Насторожил тот факт, что дверь была распахнута настежь, словно для того, чтобы иметь возможность видеть тех, кто проходит по коридору. Рита заглянула внутрь, шепча про себя молитву, чтобы отца в кабинете не оказалось. Наверное, Бог в это время занимался чем-то более важным, так как просьбы не услышал. Нервно сглотнув, Рита уперлась взглядом в лицо отца, который без каких-либо эмоций наблюдал за попыткой дочери незаметно сбежать из квартиры.

– Ночью ты была гораздо смелее, – сказал Павел Войтович и указал рукой на диван, не приглашая, а приказывая присесть.

Рита не посмела ослушаться, села на краешек и кротко взглянула на отца. Он также молчал, лишь задумчиво поглаживал рукой подбородок.

– Рита, что происходит? – наконец спросил он, подавшись вперед, словно пытался увидеть ответ в лице дочери задолго до того, как она начнет оправдываться.

Рита прикусила нижнюю губу, запрещая словам вырываться наружу. Что бы она ни сказала, все будет звучать не в ее пользу. Поэтому лучше молчать и ни в коем случае не вступать в конфронтацию. Пусть уж лучше отец накричит на нее, выпустит пар. После этого можно будет всплакнуть, пообещать, что подобная выходка была последней, и со спокойной душой мчаться на встречу с Костиком.

– Мне стыдно за тебя, – сказал отец. – То, что ты устроила ночью, что наговорила Ирме и мне...

– Ой, хватит! – слова слетели с губ раньше, чем Рита успела сдержаться. – Только ее не вмешивай!

Отец усмехнулся.

– Не нравится слушать? – Он приподнял бровь. – А мне было противно смотреть, когда ты, пьяная, валялась в коридоре, потом ползла в свою комнату, по пути оскорбляя женщину, которая привезла тебя домой. Не смотри таким щенячьим взглядом. Поверь, это трогательное выражение лица не вызывает у меня умиления.

Рита опустила плечи, поняв, что прежние уловки на отца не подействуют и что тот не на шутку зол. Значит, можно расслабиться, перестать разыгрывать раскаяние и насладиться ссорой.

– Бедная Ирма, – надула она губы. – Мне очень жаль, что я обидела свою будущую мамочку. Что я ей сказала? Напомни! Ой! Я сама вспомнила. «Похотливая сучка», «прибалтийский тормоз» и, кажется, еще «любительница престарелых кобелей».

– Уймись, – отец повысил голос, и Рита немедленно замолчала. – Моя личная жизнь тебя не касается. Я свободен и имею право вступать в отношения с тем, с кем пожелаю. Более того, я не хочу выслушивать гадости о женщине, которая находится рядом со мной. Ни ее возраст, ни то, по каким причинам она выбрала меня, не имеют к тебе никакого отношения.

– Она тебе в дочери годится!

– Значит, тебя это волнует? – спросил Войтович, вышел из-за стола и остановился напротив Риты. – Солнышко, я не монах. Мне сорок восемь, и я...

– Я не желаю...

– Нет, ты выслушаешь, раз упрекнула меня в том, что я все еще хочу жить. – Войтович присел на мягкий подлокотник и обхватил Риту за плечи. – То, что Ирма молода, безусловно, льстит мне, но ее возраст – не главное в наших отношениях.

– Ты ее любишь? – Рита почувствовала, как на глаза набежали слезы. – Больше, чем меня?

– Я люблю вас обеих.

– Ненавижу!! – Рита вырвалась из объятий. – И тебя, и твою шлюху!

– Хватит! – Войтович попытался схватить дочь за плечи, но она увернулась. – Перестань, немедленно! – Он вскинул руку и ударил Риту по щеке, мгновенно прекратив начавшуюся истерику.

– Как ты можешь?! – Рита закрыла лицо руками и заплакала слезами ярости, оттого что не может дать сдачу.

– Сядь! – Войтович дернул ее за руку, и Рита беспомощно упала в кресло. – Вытри слезы и замолчи! Мне надоели твои выходки. Я бы понял, если бы тебе было пятнадцать и ты пыталась доказать, что уже взрослая. Я увидел бы в твоём поведении ревность и утешил бы, сказав, что дороже тебя у меня нет никого. Я бы осознал, что ты ищешь путь в жизни, ошибаешься из-за неопытности, и помог выбрать дорогу. Но тебе не пятнадцать, а двадцать пять! И ты уже давно не инфантильный ребенок, каким пытаешься казаться. – Войтович заставил дочь подняться и крепко прижал к себе, уткнувшись лбом в худенькое плечо. – Девочка моя, я вижу, что тебе нужна помощь. Подскажи, что мне сделать, чтобы ты снова стала той Ритой, которой была интересна жизнь, а не вульгарные выходки.

– Мне не нужна помощь. А еще меньше я нуждаюсь в нравоучениях.

Рита выскользнула из объятий и сделала шаг назад.

– Что ты употребляешь кроме спиртного?

– Ты о наркотиках? – усмехнулась Рита. – Я не сижу на наркоте. Не нюхаю, не курю, не колюсь. – Она выставила вперед руки, демонстрируя нетронутую кожу на сгибах локтей. – Не беспокойся.

– Нет, черт возьми! – прокричал Войтович, поднявшись с кресла. – Я беспокоюсь. Моя двадцатипятилетняя дочь – алкоголик!

– Не утрируй. Пара промахов – и я уже алкаш?!

– «Пара промахов»? Да ты с трудом вспомнишь последние два года своей жизни. Думаю, что ни ты, ни твой дружок Костя Махов не в состоянии описать, чем занимались неделю назад.

– Папа, – Рита умоляюще посмотрела на него, – не злись. Я обещаю, что...

– Одни обещания, – прервал дочь Войтович. – Больше не могу слушать твои отговорки. Ты лишь декларируешь, что возьмешься за ум, но ничего не делаешь. Дочь, я сыт по горло. Ты не оставляешь мне выбора.

– Клиникой пугаешь? – усмехнулась Рита, потянувшись за сумочкой. – Давай закончим этот разговор. Он начинает меня утомлять. Я уже сказала, что такого больше не повторится. Да, я слегка заигралась в подростка. Признаюсь, что потерялась в жизни. Но... – Она замолчала, понимая, что сейчас снова начнет давать обещания, на которые отец больше не реагирует. – Ты сам виноват в том, что я такая!

Войтович вдруг рассмеялся. Смех его был гневным, и в то же время в нем звучала обида. Вскоре он затих, но продолжал витать в кабинете, заставляя Риту дрожать от стыда. Ощущение безысходности снова накрыло ее. Она опустила голову вниз, не смея смотреть отцу в лицо.

– Я виноват? – услышала Рита и интуитивно отодвинулась, боясь, что он снова ударит ее. – Глупая девчонка! У тебя есть все, о чем другие могут только мечтать. И как ты этим распоряжаешься?

– Да, я не такая, какой ты мечтал меня видеть! – выпалила Рита. – Я терпеть не могу экономику, но уступила тебе и получила образование, которое мне не нужно. Я не хочу заниматься твоим бизнесом. Я хочу жить, как сама решу, не основываясь при этом на твоих желаниях и предпочтениях!

– Но я никогда не лишал тебя права выбора. Наоборот, всегда поддерживал. Вспомни, любовь моя, о том, как часто я потакал твоим капризам. Ты мечтала о теннисе – ты училась в лучшей школе города. Картинг, мотоциклы – все к твоим услугам. А потом тебя увлекла живопись – и здесь я пошел навстречу. С тобой занимались известнейшие педагоги Петербурга. Затем ты вдруг осознала, что живопись – это не твое, и в тебе снова проснулась любовь к мотоциклам. Сколько раз ты меняла свои увлечения? А университет? Ты мне все нервы в лохмотья истрепала, пока наконец выбрала, где желаешь учиться. И чем все закончилось? Приобрела ненужную специальность и уже три года бездельничаешь. Так, значит, это я заставил тебя заниматься экономикой? Я лишь заплатил за то, чтобы тебя, лентяйку, приняли на учебу. Было бы не так обидно, если бы тебе учеба не давалась. Ты ведь у меня умница, живая, любопытная, но, к сожалению, ленивая и теряющая интерес к тому, что желаешь, стоит только получить. Но ты была права, обвинив меня в своих несчастьях. Это моя ошибка. Я лишил тебя возможности добиваться мечты, я лишил тебя самой мечты. Я создал для тебя жизнь, в которой ничего не нужно делать, чтобы стать кем-то. Я ошибся, думая, что поступаю правильно. Зато теперь я принял правильное решение. Ключи от машины, кредитки.

Он указал рукой на сумочку и пощелкал пальцами, показывая, что настроен решительно.

– Может, еще выгонишь меня из дома? – ехидство послышалось в голосе Риты, но, не сопротивляясь, она положила на стол все, что просил отец.

– Наличие, – продолжал Войтович.

– Пусто, – соврала Рита, протянула кошелек, зная, что он не станет проверять. – Можно идти?

– В свою комнату.

– Но у меня назначена встреча, – пробормотала Рита. – С Костиком. Я обещала.

Войтович молча взял телефон и набрал номер водителя, который ожидал его в машине у подъезда.

– Вадим, отвези Риту на встречу. Она скажет куда. Затем привезешь домой, – сказал он и посмотрел на дочь. – У тебя есть час на разговор с господином Маховым.

Рита вышла из кабинета, чувствуя, что внутри все горит от негодования. Выбежав во двор, она остановилась перед машиной и покраснела под взглядом симпатичного Вадима, который открыл перед ней дверцу. Свежий и цветущий, он вызывал невероятное раздражение. Причем настолько сильное, что хотелось двинуть в бок или нахамить, чтобы с его лица исчезла улыбка, значение которой трудно было интерпретировать.

Всю дорогу до кафе Рита вела с отцом внутренний диалог. И в том виртуальном разговоре перевес был на ее стороне. Торжественно выговорившись, заставив отца взять все свои слова обратно, Рита милостиво принимала извинения за ту обиду, которую он ей причинил. Она полностью погрузилась в свои мысли и вздрогнула, когда Вадим громко позвал ее.

– Приехали.

Рита стремительно выскочила из машины и, не оглядываясь, вбежала в здание. Остановившись на пороге, она перевела дыхание и помахала рукой Костику, который с блаженством на лице лечил похмелье крепким чаем.

– Все так серьезно? – спросил он и пояснил: – Охрана.

Рита утвердительно кивнула и забрала чашку из его рук.

– А ты как?

– Стыдно признаться, – Костик устало потер шею, – но генерал Махов, не стесняясь ни своего возраста, ни положения, как маршал Буденный, скакал за мной по всей квартире, размахивая ремнем.

– Догнал?

– Спрашиваешь! – вдруг улыбнулся генеральский сын. – Он же был на коне, а я ползком передвигался.

Не выдержав, Рита рассмеялась.

– Как будто они не были молодыми?! – возмутился Костя. – Я что, на его деньги пью, что ли? – уже свирепо добавил он.

Константин Махов был младшим сыном генерал-лейтенанта Махова, известного своим крутым нравом и страстью к порядку. Кроме того, Махов-старший не употреблял спиртного и категорически не переносил тех, кто имел подобную слабость. Всех своих детей, а именно Костю и его старшего брата, он воспитывал в крайней строгости, прививая моральные устои, без которых считал жизнь пустой и неполноценной. Не лгать, быть верным своей семье, всегда помогать друзьям – это стояло первым пунктом в списке жизненных приоритетов, которым руководствовался генерал. Далее шли целеустремленность, уверенность в своих силах, мужество, пыливый и (о, боги!) трезвый ум. Костик обладал всеми этими качествами, кроме одного. Будучи слишком чувствительным, он был в состоянии воспринимать окружающую реальность только с помощью алкоголя. Спиртное сглаживало явное несовершенство мира, а также несоответствие тем идеалам, которые с детства пытался привить отец. стакан виски – все вокруг казались красивыми и улыбчивыми, второй – люди наделялись добротой и пониманием, третий – исчезал страх и неуверенность в себе. С помощью алкоголя Костя рисовал свою собственную вселенную, в которой не было отца с его прогнившей моралью, где было много свободы, где присутствовало лишь веселье и легкость.

– Отец забрал у меня карточку, – сказала Рита. – Если не сменит гнев на милость, то придется работу искать.

– Давно пора. – Костя пригладил взъерошенные волосы. – Тебе нужно спуститься с небес на землю и познать настоящий вкус жизни.

– Не от этой ли жизни ты убегаешь каждые выходные?

Костя, нахмурившись, промолчал. Молчала и Рита. Она думала о том, что Костик блестяще окончил Санкт-Петербургский университет, так же многообещающе начиналась его карьера химика в научно-исследовательском институте. Работать Костя начал с энтузиазмом, удивив всех. Впрочем, он с самого детства был активным. Увлечшись каким-нибудь делом, работал страстно, с полной отдачей сил, а потом наступало истощение. Душевные порывы гасли, Костик приходил в уныние. Рита, как никто другой, знала особенность своего друга. Сначала взрыв эмоций – потом упадок сил, раздражение и вялость. Он был таким же непостоянным, как и она, с одной лишь разницей: у Костика была страсть – химия, Риту же ничто не привлекало. Отец не преувеличил, когда сказал, что она потеряла мечты. Ей даже не хотелось мечтать, потому что все ее желания осуществлялись мгновенно. Ни трудностей, от которых веет сладостью победы, ни азарта.

– Махов, – она повернулась к Косте и с улыбкой посмотрела в его лицо.

Серые лукавые глаза, тонкие брови, бледная кожа – типичная лабораторная крыса: умная, скрывающая неуверенность в себе за маской наглости и цинизма.

– Войтович, – Костик отодвинулся, – только не говори, что у тебя на почве отравления алкоголем произошли сдвиги в любовной сфере.

– Расслабься, – улыбнулась Рита. – Мои чувства к тебе ограничиваются братской любовью. Кроме того, ты не мой типаж.

– Взаимно, – с облегчением вздохнул Костя и посмотрел на притихшую подругу.

Много лет он не замечал ее внешней привлекательности. Наверное, потому, что смотрел не как на женщину, а как на верного друга неопределенного пола. Потом, когда его друзья стали обращать на Риту внимание, в нем вдруг проснулись интерес и ревность. Конечно, ревность прошла, но с тех пор Рита как была, так и остается самой красивой женщиной в его окружении. Со светлыми, почти белыми волосами, мягкой розовой кожей, темно-серыми глазами, она вызвала благоговейный трепет в душе у каждого, кто смотрел на нее. Нежная и ранимая внешне, Рита Войтович обладала дерзким и ядовитым характером, что не могло не привлекать поклонников, в которых у нее не было недостатка.

Рита позвала официанта, заказала себе кофе и еще чашку чая для Кости. Потом посмотрела на часы.

– У меня есть тридцать минут. Отец рассвирепеет, если я не появлюсь дома вовремя.

– Комендантский час?

– Был выбор: либо полное подчинение, либо клиника. Сто процентов из ста, что это Ирма напела ему определить меня в психушку. Терпеть ее не могу! Железная баба, мать ее! И этот прибалтийский акцент! Как он меня раздражает! «Деффочка, я в твои годы работала в огромной компании. Возглавляла отдел. А ты? Што ты из сзбя представляешь?» – Рита весьма удачно изобразила свою будущую мачеху. – Семь лет разницы, а ведет себя так, будто нас пропасть в полвека разделяет.

– Она многого добилась, а ты в чем преуспела? Кроме зависти к женщине, которой действительно в подметки не годишься.

– Я преуспела только в одном, – без обиды и смущения сказала Рита, – в желании ничего не желать.

– Что хотела, то и получила, – деловито произнес Костик.

– А ты, горе-химик, чем можешь похвастаться? Тем, что вы в своей лаборатории зелье варите, а потом наркотам сдаете?

Костик испуганно заморгал глазами.

– Откуда знаешь?

– Сам вчера рассказал, – сказала Рита. – Не помнишь, как хвастался, что через два года получишь Нобелевскую за ту волшебную формулу, которую придумал?

– Я и об этом говорил? Кто еще слышал?

– Успокойся, – рассмеялась Рита, понимая, что Костя в пьяном запале повышал свою важность в глазах подруги. – На самом деле я не помню наш вчерашний разговор. Лишь обрывки фраз.

– Ритка, – с угрозой проговорил Костик, схватив подругу за руку, – больше ни слова об этом.

– Успокойся, сын генерала, – Рита намеренно сделала ударение на звании его отца. – Увидимся позже, тогда и поговорим о твоей деятельности. А сейчас мне пора домой, в обитель трезвости и целомудрия.

– Больше не пьем. Это пагубно влияет не только на организм, но и на память. Я закончил с «синькой».

– Лучше, Махов, заканчивай с «химией». Как-то не вяжется: ты – изготовитель «синтетики» и твой отец – начальник службы по борьбе с тем, что ты изготавливаешь.

– Войтович! – зашипел Костик, но Рита уже не слышала его, так как шла по направлению к водителю, который с нетерпением поглядывал на часы.

Взглядом Костя проследил, как Рита садится в машину, и улыбнулся. Несмотря на то, что Маргарита Войтович являлась откровенной нахалкой, он был уверен, что его тайны она станет хранить так же надежно, как и свои. А их у нее было немало, как, впрочем, и у любого другого.

Глава 2

– Глупые, глупые люди.

Павел Войтович отвлекся от изучения документов и посмотрел на Сергея Авилова, который, уставившись в цветные листы газеты, качал головой.

– Каждый раз, читая прессу, ты говоришь это. Завидное постоянство.

– Сложно реагировать иначе, – засмеялся Авилов.

Смех у него был некрасивым, глухим, будто бьют деревянной ложкой по глиняным горшкам. Войтович нахмурился и пристально взгляделся в лицо своего управляющего. Рыжий таракан – так между собой называли Авилова за более чем непритязательную внешность. Сергей Авилов часто пользовался своей неприметностью, вводя в заблуждение людей, которые привыкли в первую очередь обращать внимание на фасад, а уж только потом заглядывать внутрь. Неулыбчивое лицо, веснушчатая кожа, жидкие непонятного цвета волосики, скромная одежда – на первый взгляд не поймешь, кто стоит перед тобой: то ли посредственный бухгалтер, то ли одинокий профессор. На самом деле Авилов был преобразователем, фокусником, который создавал иллюзию, ловко превращая одну деятельность в другую. Он был трансформатором идей, самым лучшим организатором из тех, кого Войтович встречал на своем жизненном пути. Причем организовать Авилов мог все, что угодно: от мелкой преступной группировки до крупного бизнеса. Чем, впрочем, он и занимался. Авилов был актером, который играл несколько ролей в одной пьесе под названием «жизнь господина Авилова». В одном акте он исполнял роль примерного мужа и отца, во втором – являлся управляющим легального бизнеса Павла Войтовича, и уже за кадром кардинально менял свой облик – превращался в координатора организации, занимающейся исключительно наркобизнесом. Сейчас Авилов, читающий газету и возмущающийся тупостью людей, выступал в роли «честного» предпринимателя, так как они находились в главном офисе небольшой компании, в сферу деятельности которой входил продовольственный и ресторанный бизнес. Инвестиции, окупаемость, поставщики, персонал – список вопросов, которым было посвящено утро. Однако стоило перейти в соседнюю комнату, в которой можно было разговаривать без боязни быть подслушанным, тема беседы менялась, и Авилов становился иным. Исчезала видимая мягкость, в голосе появлялась резкость. Конечно, внешне он оставался все тем же, рыжим, скромный костюм не превращался во фрак, но, изменив манеру общения, Авилов-профессор исчезал, а на его месте появлялся Авилов-лидер, или дон Сергио, как его в шутку называл Войтович.

– Нет, ты подумай, – хмыкнул Авилов и в раздражении отбросил газету в сторону. – Некто умный составил рейтинг «ста самых сексуальных людей Москвы». Они рассмотрели кандидатуры всех пятнадцати миллионов и определили, что у одних зубы кривые, у других носы огромные, а у третьих задница не соответствует общепринятым стандартам?

– Переживаешь, что не попал в этот список? – улыбнулся Войтович.

Авилов почесал нос кончиком пальца и прищурился.

– Оскорбило глупое желание людей мериться друг с другом гениталиями. Ради чего они это делают?

– Ради ощущения собственной исключительности, – подсказал Войтович, которого начала веселить взволнованность Авилова.

Иногда Сергей терял бдительность и открывался. В такие минуты проглядывало его настоящее лицо, лишенное наглой самоуверенности и жесткости. Войтович не любил подобные всплески эмоций, однако терпел, так как знал, что у каждого человека имеется слабое место, которое всплывает наружу, будучи потревоженным неосторожным словом или действием. У Авилова слабым местом было понятие красоты, а также стоическая неприязнь к людям, которые восхваляют свои или чужие физические достоинства. Именно поэтому его бесила Ирма,

которая пользовалась ярким лицом и соблазнительной фигурой для решения щекотливых бизнес-вопросов. Тем не менее он признавал ее компетентность и во многом подчинялся. Однако только потому, что восхищался разумностью и профессионализмом Ирмы, которая зачастую по расчетливости и изощренности превосходила самого Авилова.

– Ей надо было родиться мужчиной, – как-то сказал он Войтовичу.

– Тогда ты здоровался бы с ней за руку и пел дифирамбы ее чутью?

– Тогда я не разглядывал бы ее грудь и не думал бы о том, какая она в постели.

Этот разговор случился задолго до того, как Войтович и Ирма стали любовниками. Свои отношения они не афишировали, никто в офисе не догадывался, что их связывает во внерабочее время. Авилов, естественно, знал об их связи, так как скрыть от него что-либо было невозможно. Сначала он был озадачен, после раздражен, но теперь привык. К подобной метаморфозе его привела сама Ирма, к которой он испытывал уважение за то, что она никогда не пользовалась положением любовницы босса при решении рабочих проблем. В офисе Ирма занималась бизнесом, любовные переживания оставляла за порогом.

Кроме того, Авилов откровенно побаивался госпожу Пейве, способную отправить неугодного в мир иной не только взглядом или словом, но и конкретным действием. Самым легким наказанием было увольнение – это касалось тех, кто был занят в легальной сфере. В «теневом факторе» разногласия или подозрения решались банальным физическим уничтожением. Причем Ирма не давала возможности оправдаться или реабилитироваться. Она тщательно оценивала степень преступления и выносила приговор, однозначный и окончательный. И мнение свое никогда не меняла.

Подобная жестокость была вполне объяснимой. Инстинкт самосохранения у Ирмы был развит сильнее всего. Она обладала повышенным чувством опасности и могла определить, откуда исходит потенциальная угроза, даже в том случае, если она еще находилась в зачаточном состоянии.

– Что-то Ирма задерживается, – сказал Войтович, бросив взгляд на часы.

– Действительно, – согласился Авилов. – Четыре часа. Многовато.

Внезапно он ощутил легкое беспокойство, бегущее вверх от позвоночника к голове. Пытаясь избавиться от этого неприятного чувства, он принялся раскладывать документы по папкам. Войтовича насторожила эта бурная деятельность, мешающая сосредоточиться на работе. Кроме того, в очередной раз он пожалел, что они с Авиловым занимают один кабинет. Конечно, было бы удобнее сидеть в разных комнатах, но они так часто вынуждены общаться друг с другом, что постоянные перебежки из одного помещения в другое вымотали бы обоих еще в середине дня.

Ирма же предпочитала быть единоличной хозяйкой своего кабинета. Он и был той комнатой, которая использовалась для частных бесед. Кабинет был звуконепроницаемым, и ко всему прочему из него невозможно было связаться с внешним миром. Все мобильные телефоны мгновенно теряли свою значимость, так как специальные устройства гасили сигналы, делая комнату своеобразным вакуумом, в котором отсутствовало покрытие сети. В этой комнате Ирма проводила как минимум несколько часов каждый день, в остальное время решала задачи, требующие ее непосредственного участия.

Войтович испытывал желание позвонить и уточнить, когда она появится. Но главным образом руки тянулись к телефону только по одной причине: услышать ее голос. В другой ситуации он непременно позвонил бы, но только не сейчас. Уезжая, Ирма предупредила, что у нее дела в порту.

Если один из них говорил, что собирается «ехать в порт», – это означало, что беспокоить его во время отсутствия запрещено. Начать волноваться можно было по истечении шести часов, когда «уехавший в порт» не отвечал на контрольный звонок и вообще не давал о себе знать. Такого ранее не случалось, все возвращались заблаговременно, либо отзванивались,

сообщая о том, что ситуация под контролем. И все же Войтович не находил себе места каждый раз, когда Ирма исчезала из поля его зрения.

Словно отвечая на его мысли, дверь в кабинет открылась и на пороге показалась Ирма. Войтович с облегчением прикрыл глаза, по выражению лица Ирмы догадавшись, что у той все в порядке. Однако состояние легкости мгновенно улетучилось, едва Ирма вошла внутрь. Она принесла с собой тревогу. И пусть это никоим образом не выражалось в лице или взгляде, от Ирмы исходила некая опасность. Осталось лишь узнать, над кем она нависла.

– Вы похожи на гончих, – улыбнулась Ирма. – Нос по ветру, характерная стойка, готовность к преследованию.

Войтович расслабился. Если Ирма улыбалась, значит, опасность грозила не им. В противном случае она немедленно бы начала с главного, не позволила бы себе шутить над ними.

– Какие новости принес охотник? – Авилов не удержался и с максимальной точностью воспроизвел акцент Ирмы.

Та никак не отреагировала на этот выпад. За долгие годы она привыкла к тому, что люди обращают внимание на ее необычное произношение. Ирма даже не пыталась избавиться от своего сильного акцента, главным для нее являлась правильность произносимых слов, а не то, насколько они благозвучны для чужого уха. Ко всему прочему она знала, что ее речь легко узнаваема, и пользовалась этим в пределах офиса. Некоторые входили в состояние ступора, лишь услышав в трубке телефона голос с характерным грубым выговором.

– Перейдем в мой кабинет, – сказала она и удалилась.

Начало беседы посвятили общим вопросам. Ирма взяла на себя роль управляющего ходом разговора, впрочем, мужчины не сопротивлялись, ибо оба признавали ее мастерство по части ведения деловой беседы. Ирма отсекала все лишнее, расставляла ударения на самых важных деталях и не позволяла вниманию рассеиваться. Войтович с удовлетворением отмечал, что с момента появления Ирмы в их команде дела стали решаться намного быстрее и качественнее. Она была прагматичной, сконцентрированной и спокойной, что, в свою очередь, передавалось остальным участникам беседы.

– Первое, – сказала Ирма и передала Войтовичу в руки бумаги. – Завтра в порт на «Центурионе» приходит основной груз, послезавтра – вторая часть, которую мы сдаем Наумову и его людям. Пусть прогнется перед начальством.

– Наумов получает очередную звезду, а мы теряем деньги, – отозвался Авилов.

Ирма нахмурилась. Она не любила, когда люди в ее присутствии демонстрировали зависть и жадность.

– Сережа, тебе мало? – спросила она, на этом порицание закончилось, потому что Авилов смутился и предпочел промолчать. – Наумов получит очередную звезду, а мы возможность продолжать свою деятельность. Все остаются в выигрыше. Далее. У нас два сообщения от Генриха. В порт Амстердама через две недели приходит «Звезда Мара» под флагом Белиза. Двадцать пять процентов товара отпущено на наш регион.

– Какой общий тоннаж груза? – спросил Войтович.

– Шесть.

– Из них полторы тонны кокаина наши? – Авилов присвистнул. – Хороший расклад.

– Не обольщайся. Наших здесь только пятьсот килограмм. Остальные части для Зефа и англичан.

– Маловато.

– Никак не наешься, – снова улыбнулась Ирма. – Это крупная сделка, кроме того, наш регион не такой прибыльный, как Западная Европа, и переизбыток товара вызовет понижение спроса, что негативно отразится на бизнесе. Всегда нужно соблюдать баланс между количеством и качеством. Если гонишься за количеством, то поезжай в Колумбию или Эквадор. Их ребята недавно купили субмарину, которая способна вместить до десяти тонн. Они очень

рискуют, перевозят за один раз огромное количество товара, но могут себе позволить потерять такую сумму денег, потому что в их руках находится сырье. Сегодня потеряли десять тонн, завтра восполнили потерю. Не в наших возможностях совершать подобные глупости. Поэтому Генрих категорически против крупных поставок. Их легче всего обнаружить. Однако если осуществлять ввоз небольшими, но постоянными партиями, то мы создаем зону безопасности и отсекаем возможность крупных потерь. Лучше отдать часть, чем целое.

– Убедила, – Авилов постучал пальцами по столу, демонстрируя, что его начинает раздражать лекция, детали которой были известны до мелочей.

Ирма повернулась к Войтовичу.

– Я только что имела разговор с Семой Карасем. Как вы знаете, он прорабатывал людей подполковника Наумова. Все они так или иначе связаны друг с другом, с нами, в частности, с тобой, Сережа. – Ирма указала пальцем на притихшего Авилова. – А с остальными люди Наумова не знакомы, в чем нам крайне повезло.

– На что намекаешь? – Щеки Авилова стали белыми. – Чужак?

Ирма едва заметно кивнула и добавила:

– Работающий на департамент собственной безопасности.

– Быть не может!

Авилов вскочил и близко подошел к Ирме, которая расслабленно прислонилась к спинке кресла. Он испытующе взгляделся в ее спокойное лицо.

– Департамент ведет группу Наумова?

– Не дергайся, – посоветовала она. – Хотя нет, дергайся!

Ирма повысила голос, что очень не понравилось Войтовичу, уж слишком многое в последнее время она себе стала позволять. Чересчур инициативная и деятельная. Однако Войтович промолчал, предпочитая выразить недовольство ее действиями наедине.

– В твои обязанности входит проверять тех, с кем ведешь общение, – сказала Ирма.

– Кто? – скривился Авилов, взбешенный, что ему без каких-либо намеков указали на промах, да еще в присутствии Войтовича.

Если бы он работал на Ирму, она без сожаления избавилась бы от него в ближайшие часы, чтобы ненароком не засветиться. Войтович также не допускал подобных ошибок, однако давал шанс исправиться.

– Татьяна Михайлова, – ответила Ирма.

– Новый сотрудник в группе Наумова? – Авилов замолчал на время, вспоминая, что ему известно об этой женщине. – Капитан Михайлова... она не в деле. Переманить не удастся, слишком идейная. Какое отношение она имеет к департаменту?

– Непосредственное. Отдел внутренней безопасности тщательно прорабатывает оперативно-разыскной департамент на предмет коррупции, превышение служебных полномочий...

– Они всегда это делают, – пожал плечами Авилов.

– Но не в каждой команде находится информатор генерала Махова.

– Значит, они все-таки «пасут» Наумова? – спросил Войтович.

– Обычная проверка, не более. Наш Наумов – хитрец, у которого стоит поучиться. Он так осторожен, что взять его буквально не на чем. Вряд ли Михайловой удалось что-нибудь на него найти. И все же следует подстраховаться. Предлагаю устранить.

– Ирма, солнышко, – усмехнулся Войтович, – твоя работа заключается в организации поставок, а не в координации всего процесса.

– Безусловно, Павел Дмитриевич, – кивнула Ирма. – Но этот вопрос затрагивает мою личную безопасность, поэтому я вмешиваюсь.

– Ты сказала, у тебя два сообщения от Генриха, – напомнил Войтович. – Как я понял, первое касается груза. А второе?

– Кто-то действует в обход нас и занимается поставками «синтетики» на Запад. Партии небольшие, это не отражается на прибыли, однако ставит под удар нашу репутацию. Генрих выказывает озабоченность...

– Так уж и выказывает, – с раздражением перебил Ирму Войтович. – Ты ведь с ним никогда не встречалась.

– Злишься на меня за то, что последние послания от Генриха ты получаешь через меня, или на то, что у тебя за спиной проворачивают сделки, о которых ты и понятия не имеешь? – Ирма простодушно посмотрела на Войтовича.

– Продолжай! – приказал Войтович.

– Этот «кто-то» твой человек, Павел. Послезавтра он будет принимать груз в порту.

– Шерер?! – вместо Войтовича удивился Авилов. – Сашка Шерер?

– Как долго он проявляет самостоятельность? – прокашлялся Войтович, пораженный словами Ирмы.

Он не предполагал, что самый верный из его людей станет играть против него. Однако оснований не доверять Ирме не было, так как она никогда не стала бы голословно обвинять человека, не раз доказавшего свою надежность и преданность.

– Около полугода. Сема Карась выяснил, что на него работает целая лаборатория по производству фенциклидина. Они смешивают его с глюкозой и толкают как на внутреннем рынке, так и на Запад, одновременно с нашими грузами. В основном в Гамбург. Там груз встречают люди Шерера и распространяют по своим точкам.

– А Сема Карась, как я вижу, – вдруг рассмеялся Авилов, – переквалифицировался в сыщика?

– Каждый должен заниматься тем, что получается у него лучше всего, – улыбнулась в ответ Ирма. – Сема – хорошая гончая, он чувствует добычу. Но также он умеет подчиняться.

– Потому что боится наказания? – допытывался Авилов.

Войтович отвлекся и почти не слышал, о чем говорят Ирма и Сергей. Он обдумывал, как поступить с Шерером, деятельность которого нельзя оставлять незамеченной.

– Значит, парень настолько смел, что не боится вести бизнес самостоятельно? – задумчиво проговорил он.

Ирма и Авилов почтительно замолчали, понимая, что сейчас последуют указания, точность выполнения которых обязательна.

– Меняем схему, – с нескрываемой горечью в голосе произнес Войтович. – Я свяжусь с Зефом и скажу, чтобы он снял весь груз. После оговорим, как забрать нашу часть. Завтра «Центурион» придет в порт пустым. Ты, Сергей, сообщай Шереру, что планы изменились и прием основного товара произойдет послезавтра.

– Когда Наумов и спецслужбы будут брать «подставной» груз? – Авилов приподнял рыжие брови, отчего еще больше стал похож на таракана. – Отдадим им Шерера? Живого?

– Шерер окажет сопротивление, если, конечно, не поймет, что его «сдали».

– Тогда он сложит оружие и предложит сотрудничество.

– Он не станет этого делать из страха за свою семью, – покачала головой Ирма.

Войтович громко вздохнул и продолжил:

– Поставь снайпера. Пусть снимет его, когда начнется операция. Михайлова, человек Махова, будет принимать участие в рейде?

Ирма утвердительно кивнула.

– И ее тоже. Если не получится устранить обоих одновременно, то Михайлову оставим на потом.

– Что делать с лабораторией? – мягко поинтересовалась Ирма. – Оставляем?

– Нет, – ответил Войтович. – Ребята уже почувствовали вкус денег. Либо они найдут нового управляющего, либо сами станут заниматься распространением. И то, и другое внесет

хаос в общее положение вещей, создаст ненужные разговоры и лишнюю деятельность. После завтра, когда Наумов со своей командой будет брать груз, ты, Ирма, и твои люди закроете лабораторию.

– Это НИИ. Я не смогу тихо уничтожить госучреждение, – возразила Ирма.

– Плевать на шум, – сказал Авилов. – Органам давно известно, что во многих исследовательских институтах химии доводят до ума импортные полуфабрикаты, а то и свои производят. Цель уничтожения – показательная акция. Для всеобщего ознакомления, чтобы отучить других от привычки проявлять инициативу в вопросах, в которых они некомпетентны. Премонстрировать, так сказать, что излишняя независимость опасна для жизни.

Войтович поднял руку вверх, прекращая этот поток слов.

– Поезжай, Сережа, к Наумову, – сказал Войтович. – Предупреди, что планы меняются, а то наш подполковник в штаны наложит, когда увидит Шерера в порту. Еще наделает глупостей.

Авилов достал из кармана телефон, но, вспомнив, что в комнате нет связи, вышел за дверь.

– Что-то ты сегодня разошлась, любовь моя.

Войтович поднялся и подошел к креслу, на котором сидела Ирма. Он с нежностью провел пальцами по теплой шее и улыбнулся, почувствовав, как она вздрогнула и сжалась всем телом.

– Не здесь, – неуверенно сказала она, но вдруг быстро поднялась и повернулась лицом к Войтовичу.

– Поужинаешь с нами? – спросил он, резко прижав Ирму к себе.

– А Рита не убьет меня вилкой? – рассмеялась она.

– Уже два дня она ведет себя как образцовая дочь, – сказал Войтович. – Сегодня даже завтрак мне приготовила.

– Неужели взялась за ум?

– Мало верится, – прищелкнул языком Войтович. – Усыпляет бдительность.

– Дай ей шанс. Рита – хорошая девочка, но очень избалованна. Мои родители не окружали меня таким вниманием и не потворствовали желаниям.

– Поэтому ты превратилась в сучку? – поддразнил Ирму Войтович, зная, что та не обидится.

– А ты престарелый кобель, который без стыда запрыгнул в постель к похотливому прибалтийскому тормозу, – залилась смехом Ирма. – Так ведь Рита о нас отзывалась?

* * *

Авилов с трудом нашел свободное место на улице Жуковского, чтобы припарковаться. Ругая Наумова, который всегда назначал встречи в центре, где было большое скопление людей, среди них можно легко затеряться, он вышел из машины и направился к Итальянскому мосту. Известный любитель архитектуры, Наумов утверждал, что питает особую слабость к старинным мостам, но на самом деле он боялся замкнутых пространств и пустынных мест, поэтому неохотно соглашался на путешествие к окраине Питера. Наоборот, всячески отказывался. Поэтому встречи редко проходили наедине. Даже страх быть застигнутым врасплох не останавливал Наумова. Впрочем, показаться в обществе Авилова он не боялся. Никому не известный мелкий бизнесмен не вызывал подозрений, а неприметная внешность обоих позволяла раствориться в толпе без каких-либо усилий.

Игорь Борисович Наумов в легкой куртке серого цвета и в такого же цвета брюках стоял на мостике и смотрел в сторону Спаса на Крови. Вид у него был такой, будто он впервые видит храм, а не живет в этом городе с рождения. Создавалось впечатление, что и затылок его пребывает в высшем удовлетворении, а душа вовсе парит над каналом, не желая возвращаться

в хилое тело своего носителя. Авилов усмехнулся, так как Наумов каждый раз встречал его одинаковым выражением лица. Восхищение и умиротворение.

– Задолбался тебя ждать, – вместо приветствия произнес Наумов, протянув руку.

Авилов хмыкнул. Наумов, как никто другой, умел говорить отвратительные слова с милой улыбкой на лице. В этом был весь подполковник: уравновешенный, мягкий, не склонный к конфликтам – таким он преподносил себя в управлении; изворотливый, корыстный и злопамятный, когда дело касалось внерабочей деятельности.

Изложив причину встречи, Авилов оперся руками о перила и наклонился вперед, к воде, терпеливо ожидая ответ.

– Жестко действует Войтович, – сказал Наумов и издал непонятный звук губами. – Ну, бог с ним. Как сказал, так и сделаем. Нам это еще на пользу пойдет. Генерал Махов объявил «крестовый поход» против наркомафии. Эта операция его порадует. Будет подарком к пенсии.

– Когда он уходит? – вяло поинтересовался Авилов.

– Несколько месяцев осталось, – усмехнулся Наумов.

– Пройдемся? – предложил Авилов. – Не могу уже смотреть на воду.

Наумов неспешно двинулся вперед.

– Сергей, скажи, не боишься, что Ирма и тебя уберет, если вдруг неумело сработаешь? Уж больно резвая девица, а в нашем деле промахи не исключены.

Авилов не ответил на вопрос, который уже много раз задавал самому себе. Но не потому, что не знал ответ, а потому, что он был слишком очевиден, чтобы произносить его вслух.

– Помнишь, как она с теми москвичками разобралась?

Авилова передернуло от воспоминаний о крови, которой был залит весь склад, где тихо расстреляли группу из семи смельчаков, имевших наглость вторгнуться в «восточный маршрут» поставки героина в город. После массового уничтожения тела сожгли вместе со складом. Операцией руководила Ирма, и прошла она так же гладко, как и любая другая, за которую та отвечала.

– Ладно, черт с ней, с бабой, – сказал Наумов. – Какая разница, что она вытворяет, если все идет по плану. Все ведь в силе?

– Если бы что-либо изменилось, меня бы здесь не было.

Они подошли к одной из многочисленных кофеен.

– Оставлю тебя здесь, – сказал Наумов. – Вижу, хочешь зайти, у меня же нет времени. Встретимся после операции. Оговорим дальнейшие действия.

– Согласен. – Авилов похлопал Наумова по плечу и направился к кафе.

У двери он обернулся, пытаясь в толпе увидеть серую курточку подполковника, но его уже не было видно. Авилов усмехнулся резвости Наумова и вошел в заведение. Где-то внутри некий голосок нашептывал ему об осторожности. Тоненькой ниточкой его опутывал страх перед возможной неудачей. Ведь если их план с Наумовым даст осечку, то Ирма лично нажмет на курок. Но если все пройдет так, как задумано, то госпожа Пейве окажется в том же положении, в которое ставила неудачников, имевших несчастье перейти ей дорогу.

Глава 3

Больше всего Ирме не хватало возможности побыть наедине с собой. В сущности, она была одиночкой, и постоянное присутствие кого-либо рядом раздражало и вносило нервность в ее замкнутый мир. Много слов, много действий, вечное напряжение, ежесекундная мобилизация мыслей и эмоций – все это заставляло тратить много энергии. Восполнить ее помогало одиночество, пусть и короткое, но оно было жизненно необходимым. В свою квартиру она никого не пускала, даже с Войтовичем они встречались либо у него, либо в гостинице. Поэтому каждый раз, оказываясь на пороге своего дома, Ирма окуналась в атмосферу, в которой ощущалось только ее присутствие. Она давно научилась быть жадной и отказывалась делить свой мир с кем-либо. Ни цветов, ни животных в ее доме не было. В них Ирма не нуждалась, как и в остальных милых вещичках, которые непременно украшают быт каждой нормальной женщины, ориентированной на уют. Уют Ирмы выражался в тишине. Конечно, через пару часов безмолвия она, как и любой другой человек, включала музыку или телевизор, но лишь для того, чтобы еще больше почувствовать, что находится в квартире одна. Чужие голоса с экрана разлетались по пустому пространству, и иногда Ирма засыпала под их гул.

Однако в тот вечер, впервые за много лет, ей вдруг меньше всего захотелось провести ночь в одиночестве. Тем не менее от первоначального решения позвонить Войтовичу она отказалась. Подруг в Питере у нее не было, впрочем, она и не стремилась завести их. Ирме не нужны были друзья, как и семья. Во всяком случае, так она считала большую часть своей жизни и менять свое мнение по этому вопросу не собиралась. Все устраивало, но иногда щемящее чувство отсутствия в жизни чего-то главного незаметно охватывало ее, заставляя бороться с грустью и волнением. Однако Ирма очень хорошо знала себя и быстро находила средство развеять тоску. Рецепт не отличался новизной и изысканностью: немного алкоголя и неумолимое мужское тело.

Ирма быстро поняла, где проведет сегодняшнюю ночь. И главное, с кем. В одном из баров на Казанской подрабатывал барменом ее недавний знакомый. Смышленный мальчишка-пятикурсник, которого не смущала разница в возрасте в десять лет и который смотрел на нее только как на красивую женщину. Ирма вспомнила их последнюю ночь, после которой долго не могла прийти в себя, и улыбнулась. Да, такой страсти, которую показал ей Влад, она давно не встречала в мужчинах. Только в прошлой жизни, в те самые мгновения, когда мир только открывал для нее двери, она любила и горела от чувств, но все это давно угасло. Страсть ушла, лишь иногда, вспыхивая в руках мальчишки, Ирма вновь возвращалась в те дни, когда была влюблена.

Ирма неспешно приняла ванну, долго втирала крем в кожу и так же долго наносила макияж. О Войтовиче в эти мгновения она не вспоминала. Ирма провела четкую границу между их отношениями и той жизнью, в которой ему не было места. Кроме того, она не думала, что обманывает своего любовника, потому что никогда не принадлежала ему. Она вообще никому не принадлежала, только самой себе. И не считала других своей собственностью. Поэтому если бы Войтович вдруг сказал ей, что встретил ту, с которой ему будет лучше, чем с ней, не удивилась бы и не обиделась. Ревность и чувство собственности полностью отсутствовали в ней. Хотя внутренне Ирма была уверена, что лучшей женщины ему не найти, оттого и не переживала, что ее могут заменить на другую.

Включив телевизор, Ирма направилась к шкафу, чтобы выбрать подходящий для вечера наряд. Остановившись на коротком красном платье, которое делало ее еще более сексуальной, Ирма вдруг прислушалась к голосу человека, раздающемуся с экрана.

– ... разработкой преступной группировки, организовавшей поставки в город героина, оперативники занимались около года. За это время сотрудникам правопорядка удалось собрать

необходимую доказательную базу в отношении всех членов группы, зафиксировать распределение ролей.

Ирма подошла ближе и сделала звук громче. Удивлению ее не было предела.

– Вот сукин сын! – вырвалось у нее. – Год он Шерером занимался!

Голос тем временем продолжал:

– После проведения ряда проверочных закупок и заведения уголовных дел было принято решение о реализации накопленной информации. Сотрудники службы наркоконтроля при силовой поддержке бойцов спецназа провели операцию. В результате был изъят груз, который члены преступной группы встречали в порту. Задержаны шесть граждан, включая предполагаемого организатора незаконной деятельности...

– Неужели? – спросила у репортера Ирма.

– Преступниками было оказано яростное сопротивление. Ранены два бойца спецназа, погибла капитан полиции Татьяна Михайлова. Проводятся дальнейшие следственные мероприятия, направленные на установление каналов поступления наркотиков в Санкт-Петербург и выявление преступных связей задержанных, которые, в свою очередь, уже дают показания.

«Интересно, – подумала Ирма, выключив телевизор, – каким образом Наумов намерен опрашивать мертвецов?»

Ей было понятно, почему объявили, что ребята Шерера сотрудничают с органами. Все это делалось для того, чтобы «мелочь» подергалась и притихла на некоторое время. Но в реальности эти показательные рейды ничего не меняли. Хотя для Наумова подобная мишура была очень важна. Это давало ему возможность отчитаться перед начальством в том, что он не зря занимает высокую должность и ест свой хлеб.

Каждые несколько месяцев Авилов «сливал» Наумову какого-нибудь «крупного» наркоторговца, Наумов получал благодарности, премировался и не вмешивался в дела Войтовича и его команды. Конечно, Наумов имел свою долю от сделок, но эта сумма была ничтожной в сравнении с теми деньгами, которые уходили в руки Войтовича. И пока подполковник вел себя тихо и жадность его не зашкаливала, он продолжал быть нужным. Об этом знал и сам Наумов, поэтому не зарывался, доставал нужную информацию, когда это требовалось, предупреждал о возможной опасности и ежемесячно увеличивал размеры своего счета.

«О лаборатории не сказали ни слова», – с удовлетворением подумала Ирма. Именно так она и предполагала. В прессу ничего не просочится о взрыве в НИИ, последствия тихо ликвидируют, принесут соболезнования родственникам погибших. На этом все закончится.

Мысли ее прервал звонок. Ирма недовольно посмотрела на экран телефона. Звонил Авилов, что было весьма странным. Они не позволяли себе беспокоить друг друга во внерабочее время, только в случае непредвиденных обстоятельств.

– Слушаю, – сказала Ирма в трубку.

– Я внизу. Спустись.

Ирма быстро натянула платье, наспех надела босоножки и побежала вниз по лестнице. Тонкие кожаные ремешки больно били по лодыжкам, но она не остановилась, чтобы застегнуть их. Выбежав из подъезда, Ирма остановилась, перевела дыхание и огляделась. Метрах в десяти от нее стоял «Мерседес» Авилова.

– Что произошло? – спросила она, заглянув в салон.

– Среди лаборантов, которых ты устранила, был сын генерала Махова.

– И что?

– Как «что»? – возмутился он. – Ты знала?!

– Да. Я знала об этом.

– Совсем рехнулась?! – вскричал Авилов, но тут же понизил голос. – Что ты натворила?! Ты их обозлила. Теперь Махов устроит грандиозную облаву.

– Генерал ничего не сделает, – улынулась Ирма. – Причина смерти сына опорочит его репутацию, а он человек чести. Во всяком случае, так себя позиционирует. Неужели ты думаешь, что он объявит во всеуслышание, что его сын занимался изготовлением наркотиков? Перестань, это глупо. Как человек, который борется с преступностью, признается в том, что его сын преступник? СМИ молчат о взрыве в НИИ. Спишут все на техническую ошибку в результате какого-нибудь опыта. И Наумову прикажи, чтобы воду не мутил. Это ведь он тебя накрутил?

– Я не думаю...

– Правильно, не думай, – перебила Авилова Ирма и усмехнулась, заметив, как от гнева потемнели его глаза. – Не твоя забота. Я знала, на что шла. Поверь мне, Сережа, – смягчилась она, – нам не о чем беспокоиться. Генерал не даст делу хода, зато остальная шелупонь уже прекрасно осведомлена, что лезть на рожон не следует. Теперь дилеры-одиночки и другие шустрые ребята сто раз подумают, прежде чем вступать в контакт с талантливыми химиками. Да, кстати, не желаешь продегустировать фенциклидин, который изготовил генеральский сынок? Отменного качества.

Она рассмеялась, и Авилов расслабленно улыбнулся.

– Всегда хотел спросить, где ты так хорошо научилась говорить по-русски? Ты же из этнических литовцев, а у вас в семьях, насколько я знаю, не принято говорить на языке Советов. И в Питере ты совсем недавно...

Ирма наклонилась и застегнула ремешки на босоножках.

– Бабка русская была, – проговорила она. – Наполовину, правда. Так вот одна ее часть, та, в которой текла литовская кровь, ненавидела русских. Она даже за уши меня оттащила за то, что я с русской девочкой дружить хотела. Но вторая ее половина, русская, всегда хотела вернуться туда, где она родилась.

– В Россию?

– Представь себе, – кивнула Ирма. – Бабка слушала русские песни, читала произведения русских писателей и меня заставляла.

Авилов был приятно удивлен тем, что Ирма ответила на его вопрос. Хотя он все же не был уверен в том, что она была честна. От Ирмы можно было ожидать всего, что угодно, только не открытости. Она никогда не обнажала душу, и о ней мало что было известно. Лишь Войтович знал детали ее биографии, как и тот человек, который ее проверял по приказу самого Войтовича.

– Что замолчал? – спросила Ирма. – Думаешь, верить мне или нет? Верь. Я никогда не стала бы врать о своей бабке. Та еще ведьма была, – добавила она и вышла из машины. – О, прости! – снова заглянула внутрь. – Ты только для этого просил меня спуститься? Сказать, что от страха обмочил сиденье своего красавца?

Ирма выпрямилась, похлопала рукой по крыше машины и рассмеялась.

– Ты сама ведьма, – сказал Авилов. – Под стать своей бабке.

– Яблоко от яблони.

– А где вы жили в Литве?

– В Шилуте. Симпатичный городок, но, к счастью, я уже давно о нем забыла.

Ирма направилась к подъезду. Отвернувшись, она уже не скрывала эмоций. Внутри все закипело от ярости. Как же она ненавидела трусливых мужиков, в особенности Авилова, который вечно скулил. Глубоко вдохнув прохладный воздух, она быстро перестроилась на мирный лад. Впереди предстояла встреча с Владом, и Ирма решила, что лучше уделить внимание приятным ощущениям, чем злиться. Однако мысли снова вернулись к Авилову. Если он продолжит в том же духе, нужно будет отправить его на пенсию. Уж слишком часто стал паниковать без повода. Либо хватку утратил, либо пресытился и почувствовал, что пришел момент остановиться.

Глава 4

Рита не была на похоронах Костика. Не смогла заставить себя в последний раз увидеть его лицо. Впрочем, говорили, что хоронили Костю в закрытом гробу, так как показывать публике было нечего. Тело было настолько изуродовано после взрыва, который случился в лаборатории, что опознание проводили по фрагментам останков. Генерал Махов, отец Костика, не понимал, что происходит, грубил окружающим, а после и вовсе исчез. Его жене пришлось везти сына на кладбище одной. Об этом рассказала Маша Теребина, которая находилась рядом с Ритой последние несколько дней, помогая прийти в себя. Рита же все это время не выходила из квартиры подружки и пила.

– Войтович, – Маша ласково погладила ее по спине, – прекращай. Костю этим не вернуть... и посмотри, в кого ты превратилась. Тобой детей пугать можно. – И так крепко жала в объятиях, что Рите стало трудно дышать.

– Теребина, ты меня задушить желаешь?

– Если тебя нужно убить для того, чтобы ты очнулась, я сделаю это, – серьезным голосом ответила Маша, но хватку ослабила.

Пожалуй, она с легкостью выполнила бы свое обещание, потому что противостоять ей было очень сложно. Рост метр восемьдесят, широкие бедра и плечи, большие руки – Маше бы в борьбу идти или бодибилдинг. Там ей не было бы равных. Но самым смешным было то, что эта женщина-Килиманджаро, которую при первом знакомстве принимали за борца сумо, была добрейшим в мире человеком, обожала детей и работала учителем начальных классов в школе.

– Машка, мне так плохо...

– Понимаю. Потеря друга, похмелье и жуткая депрессия. Хотя ты всегда была соплей. Нынешняя ситуация не исключение.

– Неправда.

– Жалко мне тебя, Войтович, – сказала Маша и схватила Риту за плечи, потому что та дернулась, намереваясь выйти из комнаты.

– Мне отец подобные нотации каждый день читает. Не думаю, что сейчас услышу от тебя что-либо новое.

– Я не собираюсь устраивать выговор и тем более давать советы. В этом нет смысла, потому что ты глуха к увещаниям. Ты – эгоистичная пустышка, которая придумала себе несчастья и обозлилась на всех. Стоять! – громко скомандовала Маша, так как Рита начала вырываться. – Хочешь пить – пей! Твое дело. Никто не собирается жить за тебя твою жизнь. Мы можем лишь сочувствовать, просить одуматься, но самые главные решения принимаешь ты. Знаешь, мне кажется, что Костика не зря убрали из твоей жизни! По крайней мере, хотя бы один останется жив, если возьмется за ум. Опомнись, наконец! Вспомни, что вы творили, находясь под кайфом.

– Мы не употребляли.

Маша хмыкнула и так сильно трянула Риту за плечи, что у той откинулась назад голова.

– Возможно, твой отец верит этому, но мне сказки не рассказывай. Сколько раз я видела тебя под феном. Не пересчитать! Костик снабжал тебя этой дурью?

Рита попыталась разжать пальцы подружки.

– Мне больно!

– А ты думаешь, я массаж тебе делаю? Короче, Войтович. Я устала от тебя. Наверное, будет лучше, если мы прекратим наше общение. Надоело мне видеть тебя в постоянном угаре, жалкую и несчастную. Ты так бездумно разбрасываешься всем, что вскоре потеряешь и саму жизнь. – Маша отпустила Риту, и та сделала несколько шагов в сторону. – Ритка, поступай,

как считаешь нужным. Желаете продолжить? Если так, то нужно будет зарезервировать тебе место рядом с Костиком, потому что именно там ты окажешься в ближайшем будущем.

Рита подошла к окну, схватилась руками за подоконник и заплакала. Маша хотела обнять ее, но, подойдя ближе, лишь погладила по дрожащим плечам. Она горестно вздохнула, потом вдруг схватила Риту за шею и потащила в ванную, приговаривая по дороге:

– Смывай с себя всю гадость – и спать!

Маша втолкнула подругу в маленькую ванную и закрыла за ней дверь. Вскоре оттуда послышался шум льющейся воды, и она с облегчением вздохнула. Потом нашла телефон Риты и набрала номер Павла Войтовича.

– Солнышко, ты где? – прокричал Войтович в трубку.

– Павел Дмитриевич, это Маша Теребина. Нет, не волнуйтесь, с Ритой все в порядке. Она сейчас у меня, и, думаю, останется на ночь. А завтра... Вы отправите машину? Хорошо, – Маша назвала свой адрес. – И еще, Павел Дмитриевич, убедите ее лечь в клинику или... я даже не знаю, как сказать. Нет, не стоит приезжать. Мне не в тягость побыть с ней некоторое время. И вам спасибо.

Закончив разговор, Маша постучалась в дверь.

– Рита!

– Отцу ябедничала? – послышался голос. – Нужно было говорить тише, чтобы я не слышала.

– А я и не собиралась скрывать от тебя нашу беседу. Ты скоро?

Вместо ответа Рита выглянула в коридор. Она выглядела как испуганный птенец, который выпал из гнезда и не знает, как попасть обратно. Мокрая, худенькая, с короткими растрепанными волосами, она вызвала такой прилив нежности у огромной Машки, что та не выдержала и всхлипнула.

– Теребина, – хихикнула Рита, – помнится, ты в детстве плакала каждый раз, когда видела какую-нибудь жалкую картину. Неужели я настолько гадко выгляжу?

– Еще хуже, чем предполагаешь, – сказала Маша и указала в сторону спальни. – Идите спать, ваше высочество.

Рита с изяществом наклонила голову вперед и, усевшись на кровать, поинтересовалась капризным голосом:

– А чашечку горячего шоколада перед сном?

– Могу принести только кружку Эсмарха, чтобы тебе сладко спалось, – ответила Маша и прикрыла дверь, но тут же просунула голову внутрь. – Не обижайся, Рита, я не настолько жестока, как тебе показалось. Костю мне жалко. Но с его жизнью уже ничего нельзя сделать, а твою можно изменить. Теперь спи. Я ухожу на работу.

– Так ведь у детей каникулы, – Рита закрыла глаза.

– А школа, мать ее, работает. Предупреждаю, сбежать не удастся, я тебя замурую. С балкона не прыгай, соседей напугаешь.

Она замолчала, догадавшись, что Рита уже не слышит ее, плотно прикрыла дверь и вышла из квартиры, как и обещала, заперев подругу на все замки.

* * *

Ранним утром следующего дня Рита попрощалась с Машей, крепко обняла ее, на что та раздраженно заметила:

– Как будто навсегда уходишь.

– Ты же вчера заявила, чторываешь наши отношения, – улыбнулась Рита.

– Ты вчера была пьяна, а я зла. Ладно, уматывай. Тебя внизу машина уже полчаса ждет. Я позвоню через несколько дней.

– Лучше я сама наберу, – сказала Рита. – Когда стану нормальной.

– Ты и есть нормальная, – возразила Маша. – Нормальный, ничем не отличающийся от других алкоголик. Вот если бы ты стала необычной, – протянула она. – Счастливой, веселой – это другое дело. У тебя же все есть для этого. Стоит только пожелать. В отличие от меня, тебе не нужно бороться за жизнь. Нужно просто жить.

Рита с печалью посмотрела на маленькую квартиру, которую снимала Маша. Простенький ремонт, минимум мебели, никакой роскоши и излишеств.

– Маша, тебе нужны деньги? – спросила она.

– Миллион не помешал бы.

– Я серьезно. – Рита взяла подругу за руку. – Давай, я попрошу отца, он устроит тебя на приличную работу. Снимешь другую квартиру, ближе к центру. Станешь...

– Меня устраивает моя жизнь, – засмеялась Маша. – И работу я не хочу менять. Люблю своих малолетних нахалов. Да и Дима скоро ко мне переедет.

– Димка Кирсанов? – ахнула Рита. – Все-таки заполучила его! Чем ты, толстуха, смогла привлечь такого симпатичного парня?

Маша прижала руки к огромной груди.

– Добрым сердцем.

Рита откинула голову назад и рассмеялась.

– Пока, Тербина, – она протянула ладошку, и Маша звонко хлопнула по ней.

– Увидимся, Войтович.

Выйдя во двор, Рита прищурилась от яркого света, ударившего в глаза. Быстро прикрыла лицо очками и подошла к ожидающему ее в машине Вадиму.

– Я прогуляюсь, – сказала она, открыв дверцу. – Не сопровождай меня. Поезжай к отцу, скажи, что я скоро буду дома.

Она направилась к метро, обдумывая на ходу разговор с Машей. Как же ей удалось стать счастливой в таких скромных условиях? И почему у нее, у Риты, ничего не получилось? Ведь отец ни в чем не отказывал, всегда был внимателен и щедр? Где она ошиблась и в какой из моментов перестала ощущать вкус жизни?

Рита медленно брела по Невскому в Михайловский парк. Там она подошла к своей «думательной» скамейке, куда часто приходила, чтобы поддепрессировать и пожаловаться на жизнь. Сколько раз скамейка была свидетелем ее пьяных слез, сложно сосчитать. Наверное, сейчас она будет удивлена, потому что Рита пришла к ней с другими мыслями. Она была рас-теряна, но не подавлена, как раньше. Рита с детским восторгом провела пальцами по гладкому теплему дереву. Сбросив сандалии, она уселась на скамью с ногами и уткнулась подбородком в коленки. Мысли вернулись к Костику и его глупой смерти. Где-то внутри Рита все еще не верила, что его больше нет. Может, оттого, что не видела, как его закапывают в землю, или потому, что в ее душе он всегда будет жить. Рита прикрыла глаза, вспомнив, как они познакомились. Потом начала детально воспроизводить в памяти самые яркие моменты своей жизни.

У нее было счастливое детство, добрые любящие родители, нежная бабушка. Отец был военным, а мама работала в медчасти. Все закончилось, когда отец внезапно уехал. В тот момент ей не сказали, куда именно. Лишь после она узнала, что отец со своей дивизией принимал участие в чеченской войне. Они никогда не разговаривали о том времени, словно боялись затронуть тему, которая была больным местом для обоих. После его отъезда мама стала молчаливой, а потом и вовсе перестала смеяться. Рита плохо помнила тот день, когда она исчезла из ее жизни. Они тогда жили во Пскове. Отца рядом не было, мама потеряла работу, а бабушкиной скромной пенсии на жизнь не хватало. Наверное, поэтому мама поддалась уговорам подруги уехать в Москву на заработки. Больше Рита ее никогда не видела. От отца не было никаких известий, он вернулся лишь спустя два года после маминого исчезновения. Бабушка

со слезами встретила его, а Рита забилась в угол, потому что не узнала папу в этом незнакомом и грустном мужчине.

После они переехали в Питер. Рита не раз просила, чтобы отец позвонил маме в Москву и сказал, чтобы она приезжала в их новый дом. Тогда ей казалось, что взрослые знают, где живет ее мама, просто не хотят говорить. Вскоре разговоры о маме прекратились, как будто ее и вовсе не было в их жизни. Рита начала забывать, как выглядит ее лицо, какого цвета у нее глаза, лишь иногда ей снились мягкие руки, которые бережно укрывали одеялом и нежно гладили по щеке.

Воспитанием Риты занималась бабушка. Папа часто уезжал, как говорила бабушка, «по делам», и иногда они не виделись неделями. Возвращаясь, он привозил подарки, целовал дочь, которая росла без него, и с каждым днем Рита все больше понимала, что они отдаляются друг от друга. Безусловно, отец любил ее, но он всегда был занят работой. Рита с грустью подумала, что у нее было все, кроме главного. Ей не хватало отца, и никакие щедрые подарки не могли его заменить. Потом в ее жизни появился Костик, такой же бедолага, страдающий по отцовской любви. Вместе они впервые попробовали алкоголь, это несколько скрасило их скучную жизнь. Теперь Рита отчетливо осознавала, что при помощи спиртного они пытались убежать от самих себя. Коктейли, напитки покрепче – все это убирало страх из души, наделяло наглостью и злобой, которую они выливали на своих вечно занятых родителей. Им нравилось ощущать себя жертвами, вместо того чтобы реально посмотреть на вещи и повзрослеть. Ведь гораздо удобнее найти виновного и списать на него все неудачи. Но в чем же была неудача Риты? В том, что она требовала внимания, в то время как отец обеспечивал ей будущее? Очень сложно говорить правду самому себе. Проще обманывать, тешить иллюзиями и обвинять других. А ведь у нее все было для счастья. Вернее, все есть. Но она перестала это замечать.

Когда умерла бабушка, Рита испугалась внезапного одиночества. Отца не было рядом, только Костик и алкоголь. И Маша, которая, не выдерживая их с Костилом загулов, исчезала, не в силах смотреть на пьяные лица. Конечно же, были еще легкие увлечения, которые быстро заканчивались. С одними Рита не желала оставаться, потому что они разочаровывали ее, других разочаровывала она. В итоге самым постоянным мужчиной в ее жизни был Костя Махов. Но и он оставил ее.

Рита вытянула ноги перед собой и пошевелила пальцами. Смешно получается, но ее много раз бросали, причем те, которых она любила больше всего. Мама, бабушка, Махов. Кто станет следующим? Отец? Она потрясла головой, запрещая себе думать о том, что может потерять его. Хотя отец и так далеко. Она сама его оттолкнула. Теперь рядом с ним Ирма. Рита разозлилась, подумав об этой женщине, но тут же успокоилась. Глупо желать отцу одиночества. Он молод и вполне может обрести счастье с женщиной, которая делает его жизнь полной. Рита задумалась над тем, что Ирма была первой женщиной, которую отец официально представил ей как свою подругу. Ранее он никогда не афишировал свою личную жизнь. Именно поэтому Рите начало казаться, что он не нуждается в женском внимании. Она привыкла, что он всегда один, и восприняла Ирму как человека, который явился разрушить ее маленькую семью.

Рита надела сандалии. Она хотела домой. К папе, который всегда был мягок и терпелив. Что бы она ни творила, отец приходил на помощь. Выручал из милиции, куда она не раз попадала, платил, когда она заваливала сессии, ни слова не сказал, когда Рита выбросила свой диплом в урну и отказалась работать. Он потакал всем ее капризам, а она злилась на него.

Рита поднялась и пошла по дорожке к выходу из парка. Легкий ветерок бегал вокруг нее, солнце трогало лучами лицо и плечи, но Рита не видела ничего вокруг. Она полностью сосредоточилась на себе и очнулась, лишь когда ударились плечом в невысокую женщину с тонким шарфом на голове, которая улыбалась.

– Простите, – смутилась Рита.

– Все в порядке. – Ее слова прозвучали отрывисто.

«Немка», – подумала Рита. Привлекательная, элегантно одетая женщина с горящими глазами заинтересовала ее. Рита даже остановилась и проводила ее взглядом. Она увидела, как к женщине подошел высокий мужчина в темном костюме и, что-то сказав, протянул телефон. Они быстро направились к выходу, Рита побежала за ними. Выйдя из парка, колоритная пара подошла к длинному черному автомобилю. Мужчина открыл перед женщиной дверцу и помог ей устроиться на сиденье. «Жена дипломата», – предположила Рита и огляделась, обдумывая, в какую сторону направиться. Сделав несколько шагов вперед, она вдруг присела на корточки и расплакалась. Ей не хватало мамы, но больше всего она скучала по отцу. Достав телефон из сумки, она всхлипнула в трубку, слушая длинные гудки.

– Папа, – сказала она, когда ей ответили, – ты мне очень нужен.

– Где ты, доченька? Скажи мне, где ты, и я за тобой приеду.

Глава 5

Генерал Алексей Константинович Махов шел по коридору, стараясь не встречаться взглядом с проходящими мимо него людьми. Он отвечал на приветствия, но в глаза предпочитал не смотреть. Казалось, что все прожигают спину любопытством и, что еще хуже, сочувствуют. Больше всего генерал не мог терпеть жалости к себе. Уж лучше встречать насмешку в лицах коллег, презрение, наконец. Но жалость – это было невыносимо! Махов понимал, что о том, чем занимался Константин, в управлении мало кому известно. С одной стороны, он боялся, что преступная деятельность сына поставит под удар его репутацию, сделает его уязвимым, с другой – искренне желал, чтобы об этом узнали все. Тогда глаза сотрудников не посылали бы в его сторону слезливые сигналы в связи с постигшей утратой, а пылали бы негодованием, что было бы гораздо легче перенести. Лишь полковник Илин и его команда точно знали, чем Костя занимался в своей якобы научной лаборатории. Но они будут молчать, и не только потому, чтобы по управлению не поползли грязные слухи, а главным образом, чтобы не раскрывать тайну следствия, которое они вели. Именно к ним направлялся Махов.

Без стука он вошел в кабинет и усмехнулся. Капитан Гордеев, с наслаждением куривший у окна, как нашкодивший школяр, выбросил окурок в окно и с виноватым лицом начал разгонять дым перед собой. Полковник Илин, оторопело наблюдавший за его суматошными движениями, зычно хохотнул, но тут же умолк, увидев генерала.

– Перестаньте вести себя так, будто в чем-то предо мной провинились.

Голос Махова грозной волной разошелся по кабинету. Он в раздражении покачал головой и хмуро добавил, обращаясь к Илину:

– Женя, это мне должно быть стыдно.

– Достаточно, Алексей Константинович, – поднял руку полковник Илин. – Покончим с извинениями раз и навсегда. Не ваша вина в том, что Костя погиб, и тем более в том, чем он занимался.

– А чья? – хмуро спросил генерал. – Он ведь мой сын, а я не знал о его жизни ровным счетом ничего.

Полковник Илин прекрасно понимал, почему генерал мучается. Он помнил день похорон, лицо Махова, перекошенное от злости и непонимания, и то внезапное исчезновение, которым генерал продемонстрировал свое отчаяние. Илин нашел его на даче, где Алексей Константинович в течение недели прятался от мира. Старик лежал на старой кушетке и с безразличием смотрел в потолок. Он выглядел как иссохшая мумия, и жалко и величественно одновременно. Густая белая щетина покрыла его лицо, щеки впали, а глаза ввалились. Сначала Илин со страхом подумал, что тот умер от горя.

– Руки наложить на себя не могу, – услышал он его тихий голос, – а сдохнуть очень хочется.

И наградил полковника таким взглядом, от которого похолодели ладони и спина покрылась потом.

– Сожалею, – сказал Илин и больше ничего не смог добавить.

– Оставь меня, Женя. Хочу еще побыть один.

– Но... – замялся тот.

– Завтра увидимся. – Генерал слабо махнул рукой, указывая на дверь. – И спасибо тебе.

Генерал не обманул. Как и обещал, он появился в управлении. Невообразимо постаревший за последнюю неделю, он стал похож на древнего старца. И если раньше в управлении называли его Стариком за опыт и потому, что очень уважали этого принципиального и честного человека, то теперь прозвище полностью оправдывало себя. Перед Илиным стоял устав-

ший от жизни человек, разочарованный и убитый горем. Кожа висела на его когда-то моложавом лице, да и генеральский китель болтался на сутулых плечах.

Капитан Антон Гордеев быстро заварил чай и поставил перед генералом и Илиным дымящиеся чашки. Сам выпил стакан воды, крикнул от удовольствия, вызвав улыбку на лице Махова, подошел к своему рабочему месту и начал перебирать бумажки.

– Какие новости?

– Гадкие, – ответил Илин, положив рядом с Маховым папку. – Таня Михайлова была убита не в перестрелке с людьми Шерера. Две пули в затылок она получила от того, кто находился далеко от эпицентра. Работал снайпер. Мы уже установили место, откуда он стрелял. Кроме оставленной винтовки и гильз, ничего не нашли. Он же и Шерера застрелил.

– Значит, снайпер не был «контролером»?

– Нет, он не прикрывал людей Шерера. Он был там с одной-единственной целью: убрать Шерера, который мог вывести нас на хозяина. И Таня не просто попала под пулю. Такую ошибку тот спец вряд ли допустил бы. Она была явной мишенью.

– А люди Шерера?

– В живых остались двое. Молчат, потому что не знают, о чем говорить.

Генерал устало вытер лицо.

– Рабочие лошадки, – сказал капитан Гордеев. – Они лишь принимали товар. Распространением груза занималась другая команда. Хитроумная схема получается. Группировка Шерера имела узкоспециализированную ячейковую структуру. Функции каждой ячейки строго разделены. И члены групп, как я понимаю, незнакомы друг с другом. Они словно ограничивали ущерб, который может быть нанесен в случае внедрения сотрудников органов в одну из таких ячеек.

– Да, – добавил Илин, – конспирация весьма серьезная. Но хуже всего то, что их прикрывают наши.

– А кто именно, нам неизвестно, – добавил Махов. – Получается, Таня зря погибла.

– Она ничего не оставила, что очень странно. В ее компьютере нет ни одного упоминания о расследовании, которое она вела. Дома тоже нет ни бумаг, ни электронных носителей. Словно кто-то тщательно убрал за собой мусор.

Илин густо покраснел и замолчал.

– Считаешь, что груз Наумову сдали? Он работает на обе стороны?

– Этому нет доказательств, – вместо Илина ответил Антон Гордеев.

Генерал посмотрел на вздернутый, как у некоего комического персонажа, нос Антона, и тот прищурил глаза, заметив, куда направлен взгляд Махова. Он подавил в себе желание прикрыть нос рукой и отвел взгляд в сторону.

– Мы проверили Наумова. Если бы он сотрудничал с преступными группировками, это отразилось бы на его образе жизни. Подполковник весьма скромен в своих запросах. Двухкомнатная квартира, машины нет, счетов за границей тоже нет. Едва ли он берет наличкой... Где ее хранить? В чулане на даче? У него и дачи-то нет.

– Остальные из его команды также ничем не выделяются.

– А что? В управлении только Наумов работает? – вскипел Махов. – Кто-то же должен сливать информацию этим... тварям! Невозможно безошибочно работать у нас под носом на протяжении стольких лет. И еще, – Махов вдруг поник. – Что известно о лаборатории?

Полковник Илин поднялся со своего кресла, подошел к генералу и положил руку ему на плечо.

– Алексей Константинович, – он с силой сжал пальцы, – мы найдем...

– Женья! – поднялся генерал. – Не понимаешь, что ли?! Плевать мне, кто именно это сделал! Разве имеет значение имя человека, который взрывал бомбу? Это неважно. Он лишь солдат, который выполнял приказания. Но чьи? Вот это уже важно. Лаборанты, дилеры, как

мелкие, которые распространяют дурь в клубах, так и более крупные, – лишь винтики в огромной машине. Мне нужен менеджер высшего звена. Управляющий. То есть верхушка.

Капитан Гордеев усмехнулся. Он достал из пачки сигарету и закурил. Сейчас он уже не обращал внимания на присутствие генерала и то, что тот не переносит запаха дыма. Он находился в крайней задумчивости, когда произнес:

– Вы сами сказали, что все происходит наверху. Это будет чревато для всех нас. Начнем копать глубже – выплывет история с вашим сыном.

– Я уже озвучил свое мнение по этому вопросу. Костя разочаровал меня и глубоко ранил. Меньше всего я ожидал, что мой сын окажется преступником. Это мой промах. Как отец, я не состоялся и готов понести за это наказание. Но во всем остальном – совесть моя чиста. И угрозы, что деятельность Кости разрушит мою карьеру, меня не пугают. Я и так через полгода уйду на пенсию. С грамотами или осуждением, сейчас это волнует меня меньше всего.

Илин хлопнул ладонью по столу, заставив генерала вздрогнуть. Гордеев с удивлением посмотрел на своего начальника. Тот вел себя более чем странно. Слишком многое себе позволял в отношении генерала Махова. Ранее с ним такого не случалось.

– Я уже потерял в твоих глазах авторитет? – улыбнувшись, спросил Махов, словно отвечая мыслям Гордеева.

– Наоборот, – бодрым голосом ответил Илин. – Как никогда, Алексей Константинович, я горд тем, что служу под вашим началом. Но с самобичеванием пора покончить.

Генерал вздохнул и направился к двери.

– Я к себе, намерен обдумать ситуацию, – сказал он. – И вам советую.

Едва за ним захлопнулась дверь, капитан Гордеев принял стойку солдата Рейхстага и под неодобрительным взглядом полковника Илина отрапортовал:

– Да, мой генерал! – Он вскинул руку вверх. – Есть взять след.

– Уймись, Антоха, – посоветовал Илин. – Группенфюрер херов! – И задумался. – Даже не знаю, с чего начать. Все концы обрублены.

– Вернемся к Наумову. Уж очень он положительный. Правильный, как наш Махов. Такого в природе быть не может.

– Честности?

– Идеальности, – поправил Илина Гордеев. – Таня ему не доверяла. Говорила, что он чересчур усердно демонстрирует независимость и неподкупность.

– Интуиция?

– Факты, которые у нас украли. Если Наумов так честен, как декларирует, то почему с дороги убрали именно Михайлову, которая его проверяла. Не потому ли, что она нашла темные пятна в его биографии?

– Она проверяла не только Наумова, а многих из оперативно-следственного департамента, – возразил Илин.

– Пять. Она контролировала пятерых, – Гордеев выставил вперед ладонь. – С них и начнем.

Глава 6

– Ты задержалась, – сказал Войтович.

Он сидел в кресле в центре просторного номера, который они всегда снимали для встреч, и без улыбки и каких-либо других эмоций наблюдал за тем, как Ирма сбрасывает с себя одежду.

– И что из этого следует? – спросила она, присев ему на колени.

– Я сегодня не в настроении искать причинно-следственные связи.

Он похлопал ее по обнаженному бедру, прося подняться. Затем встал, снял с себя пиджак, бросил на диван и развязал галстук.

– Павел, – позвала его Ирма, – ты устал?

– Очень устал, – кивнул он и упал на диван, вытянулся на нем и громко вздохнул. – Прости.

– Рита снова взялась за старое?

Ирма сняла туфли с его ног и аккуратно поставила их у столика. Затем осторожно присела рядом с Войтовичем, взяла его за руку и с обожанием, которое от нее редко можно было увидеть, поцеловала запястье.

– Нет! Слава богу! Она в последнее время очень спокойна. – Он прикрыл глаза и улыбнулся. – Я просто устал.

– А я сегодня не спокойна, – Ирма понизила голос, в котором зазвучали призывные нотки.

Войтович ласково провел пальцами по ее груди и животу. Ирма всегда вызывала в нем дикое сексуальное желание. Пожалуй, ни одна женщина не привлекала его так сильно, как она. Когда-то он очень любил жену, но в той любви не было такой грубой и вместе с тем чувственной страсти. Скорее жена вызывала в нем безграничную нежность. Чувства к Ирме были другими. Она не была ласковой и тонкой натурой, также не отличалась хрупкостью и слабостью. Напротив, Ирма была смелым самостоятельным ветром, который пугал своей силой и жестокостью. И красота ее была особенной, без какого-либо намека на мягкость и изящество. Высокие скулы, узкий прямой нос, небольшие аккуратные губы, белая кожа и темные струящиеся волосы – все было очень пропорциональным и холодным, как на вид, так и на ощупь. От кожи Ирмы веяло прохладой, зато изнутри шел такой жар, что мгновенно опалял любого, кто оказывался рядом. Иногда она превращалась в айсберг и тогда замораживала все вокруг. Редко смеялась, мало шутила, но глаза ее при этом горели огнем. Черные, огромные, они умели быть и колючими, и ласковыми в зависимости от ситуации. Но они всегда ярко пылали, создавая поразительный контраст с бледными щеками и не улыбающимся ртом.

Ирма была высокой и прекрасно сложенной, как юный атлет, на которого невозможно смотреть без восхищения. Войтович знал, что она много времени проводит в спортзале, сохраняя красоту тела. Сам он не уделял внимания своей фигуре, и она уже давно начала портиться: появился живот, мышцы на груди и руках стали дряблыми. Да и лицо не отличалось свежестью. Он выглядел как обычный пятидесятилетний мужчина, и единственное, чем мог привлечь молодых женщин, – это очевидной дороговизной сшитых на заказ костюмов и машин, едва взглянув на которые любая понимала, что стоят они немалых денег. Как ни странно, но ранее Войтович не спрашивал себя, почему Ирма выбрала именно его. Сейчас этот вопрос все чаще приходил ему на ум. Ответа на него он не находил, а спросить у Ирмы не решался.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Ирма, прилегла рядом и тесно прижалась, обхватив его ногами. – Почему я здесь. Не так ли?

– Твоя проницательность удивляет. – Войтович нежно погладил ее по спине. – Но еще больше я удивлюсь, если ты скажешь, что любишь меня.

– Люблю? – рассмеялась Ирма, резко поднялась и критично на него посмотрела. – Опомнись!

Войтович знал, что именно это она скажет, Ирма также поняла, что он специально подвел ее к подобному ответу, и рассмеялась еще громче.

– Ты коварный, – сказала она. – Но слишком чувствительный, в особенности в последнее время. Рита сделала тебя таким.

Она поднялась и подошла к сумочке, брошенной на пол, в которой звонил телефон.

– Я отвечу? – Ирма подняла брови, спрашивая у Войтовича разрешения.

– Конечно, – усмехнулся он, понимая, что вопрос этот был задан только для приличия, и она ответила бы в любом случае.

– Пейве, – сказала она в трубку, сделав несколько шагов в сторону, чтобы сохранить от Войтовича в тайне личность звонившего. – Сейчас я занята. Сообщу, когда освобожусь, – Ирма замолчала на несколько секунд. – Да, мне известно, где это. До встречи.

Разговор шел по-английски, и Войтович с интересом прислушался, но ему удалось понять только то, что собеседником был мужчина. Впрочем, подобный факт не удивил. Среди знакомых Ирмы преобладали мужчины, пожалуй, в ее жизни их было больше, чем у любой другой женщины. И она никогда не скрывала этого, наоборот, подчеркивала, что дружить с женщинами – занятие хлопотное. Они много требуют и мало дают. С мужчинами все обстоит гораздо проще: им ничего не нужно объяснять, в чем-либо отчитываться, делать нелепые прогнозы. Подобное общение всегда лежало на ладони – было открытым и предсказуемым. Конечно, иногда случались неожиданности, но они были исключением из правил, и их легко было решить. С женщинами все было по-другому. Главным условием общения с ними был постоянный контакт, вследствие чего возникала эмоциональная зависимость. Это отнимало много времени и сил, что весьма не нравилось Ирме. Поэтому она избегала дам, населив свой мир исключительно представителями противоположного пола.

Войтович не беспокоился о том, что звонивший мужчина мог оказаться любовником Ирмы. Он не ревновал ее, так как знал, что это бесполезное занятие. Лишнее сотрясение воздуха, не более. И если бы Ирма захотела уйти, не держал бы, потому что никто не в силах удержать ветер. Но раз она с ним, то только потому, что хочет этого. Пусть он не красавец и не идеал мужчины, но все же Ирма выбрала именно его. Неинтересно, какими мотивами она руководствовалась, главным было ее присутствие рядом и то, как они друг к другу относятся.

– На чем мы остановились? – спросила Ирма, улыбнувшись.

Она сняла с себя бюстгальтер и, подойдя к дивану, жеманным движением поставила ножку на бедро Войтовича. Он пробежал пальцами по тонкой лодыжке.

– На моей чувственности, – напомнил Войтович.

– Чувствительности, – поправила Ирма. – Это не одно и то же.

– Ты меня провоцируешь? – Войтович внезапно оскалился. – Что происходит? Что ты хочешь мне сказать?

Он вдруг понял, что Ирма не просто так завела этот разговор.

– Говори! – нахмурился он.

– Мне кажется, – быстро сказала Ирма, – что Авилов спелся с Наумовым больше, чем того требуют обстоятельства.

Войтович в раздражении подбросил вверх бюстгальтер Ирмы, который лежал рядом с ним.

– Прекрати, – приказал он. – Я знаю Сергея гораздо дольше, чем тебя.

– Намекаешь на то, что из нас двоих я меньше заслуживаю доверия? – Она подошла к Войтовичу и положила руки ему на плечи.

Он увернулся и, поднявшись с дивана, отошел в сторону.

– Что тебе известно?

– За последние три недели он и Наумов виделись восемь раз, – сказала Ирма, надев платье, показывая, что уже не ждет от Войтовича сексуальных подвигов. – Но Авилов получал санкцию на встречи только дважды. Перед тем как взяли Шерера и тогда, когда пришел груз с розами. С товаром, – поправилась она.

– Я помню.

– Тогда какие вопросы они решали в остальные встречи?

– Думаешь, заговор?

– Возможно. – Ирма облизала губы. – Только против кого? Я не думаю, что Авилов решится сместить тебя. Нет, ты ему не по зубам. А я – вполне!

– О чем ты?! – воскликнул Войтович. – У вас с Сергеем никогда не было конфликтов...

– Дело не в ссорах. – Ирма достала из сумки сигареты и закурила. – Дело в разделе власти. И в деньгах. Я тебе слишком дорого стою.

– Это мне решать!

– Считаю, что Авилов целит на мое место. Намередается убрать с дороги, воспользовавшись возможностями Наумова. Своими руками он не может этого сделать, потому что явного повода для смещения меня нет. Но вот случайно подставить под пулю – это реально. С полицией ты связываться не станешь, чтобы не возбудить к себе интерес, – она уверенно делала прогнозы. – Киллера пригласить не решится...

– Ты ошибаешься, – Войтович уже не скрывал своего возмущения.

– Я была бы рада, – причмокнула губами Ирма. – Но суетность, которая в последнее время все чаще проявляется в его поведении, постоянные недомолвки, а также вдруг вспыхнувшая неумемная жадность говорят об обратном.

– Я поговорю с Сергеем.

– Зачем? – удивилась Ирма. – Так ты его спугнешь. Пусть уж лучше думает, что контролирует ситуацию. Если я ошибаюсь, тогда ничего не случится. Я извинюсь перед тобой за то, что оклеветала твоего друга.

Она затушила сигарету и подняла сумочку с пола.

– Уходишь?

– Ты же слышал. У меня назначена встреча. Увидимся завтра в офисе, – она протянула руку, прощаясь. – Да, и еще. Ты был прав. Я люблю тебя. Но если ты примешь сторону Авилова и станешь играть против меня, я тебя не пожалею.

Войтович замер на месте от прозвучавшей в голосе Ирмы угрозы и не нашел что ответить. Но, когда за ней захлопнулась дверь, понял, что она впервые сказала о своих чувствах. Это было намного важнее, чем страх перед смертью, на которую Ирма только что намекнула.

Зазвонил один из мобильных, и Войтович прищурил глаза, глядя в экран. Номер не был ему известен.

– Слушаю, – поднял он трубку.

– Здравствуй, Павел, – мягкий голос прошуршал в трубке.

– Здравствуй, Зеф.

Войтович не удивился, услышав голос Зефа Ноли, скорее насторожился. С Зефом, который контролировал поставки товара в Россию и Северную Европу, они редко встречались. В этом не было особой необходимости, да и Генрих не приветствовал тесные отношения между управляющими групп или секторов, как они сами себя называли. Обычно посредником в общении выступало доверенное лицо. Со стороны Войтовича им была Ирма, со стороны Зефа – его правая рука Энвер Солаку. Именно они решали организационные вопросы, руководствуясь при этом пожеланиями боссов. Встречи управляющих носили экстренный характер. Обычно они назначались в случае непредвиденных обстоятельств, когда над картелем нависала угроза, которую необходимо было устранить в кратчайшие сроки. Войтович быстро размышлял над тем, для чего звонит Зеф. В последнюю их встречу произошло разделение картеля, в результате

которого была полностью уничтожена бельгийская группа, а сектор Зефа стал самым могущественным в их организации.

– Чувствую, что удивлен, – сказал Зеф, и в голосе его послышался смешок. – Я хочу встретиться.

Войтович в раздражении облизал губы. Слишком много за сегодняшний день случилось сюрпризов. Сначала Ирма с ее параноидальным бредом и видением врагов во всех. Теперь неожиданный звонок Зефа, разговоры и встречи с которым ничем хорошим не заканчиваются.

– На чьей территории?

– На твоей. Я уже здесь.

Глава 7

Зеф Ноли был человеком незаурядного ума и способностей. Его даже прозвали Шахматистом за умение видеть ситуацию в полном объеме и просчитывать действия на максимальное количество шагов вперед. Расчетливость, которая необъяснимым образом переплеталась с дьявольской проницательностью, была отличительной особенностью старого албанца, вселяющего ужас в любого, кто смотрел ему в глаза. Он видел все, что было запрятано глубоко внутри, и ни у одного человека не было шанса обмануть его, ибо великих обманщиков, каким являлся Зеф, сложно обвести вокруг пальца. Более того, абсолютно невозможно, так как, зная все те уловки, которыми пользуются лжецы, Зеф мгновенно пресекал возможность ввести его в заблуждение и запутать.

Невысокий, с белыми волосами и такого же снежного цвета короткой бородкой, он вызывал приятные ощущения, если бы не колючие черные глаза, сверлящие дыру в лице собеседника. Темная гладкая кожа, маленький крючковатый нос и тонкие багровые губы – все это привлекало и отталкивало. Человек противоречий, именно так можно было охарактеризовать Зефа. В нем сочетались и доброта, и жестокость, а подобная смесь всегда привлекательна. Люди стремятся к таким необычным представителям человеческого рода, и даже страх пострадать от их руки не является преградой. Они опаляют силой, от них веет свободой и властью, тем, чем обычный человек желает обладать, но по каким-либо причинам не может. Зеф давал возможность прикоснуться к источнику энергии, бьющему из него. Он завлекал своим могуществом, населял уверенностью, и поэтому, единожды оказавшись в его власти, невозможно было вырваться, так как он безжалостно сдавливал тиски, удушал, превращая человека в раба.

Умный, начитанный, Зеф считал себя высшим звеном эволюции, что и было его единственным слабым местом. Тщеславие руководило им. Он стремился к почитанию и славе, что, по мнению Войтовича, являлось непростительной ошибкой или, по меньшей мере, неэффективной тратой времени. В той деятельности, которой они занимались, известность скорее была минусом, чем плюсом. Зеф это понимал и страдал. Его истинные желания кардинально расходились с тем образом жизни, который он вел. Склонный к авантюризму, он частично насыщал свою жизнь острыми эмоциями, однако главного не получал. Ему хотелось блеска софитов, вспышек фотокамер, всеобщего поклонения. Глава одного из сильнейших наркокартелей Европы с детства стремился быть актером. Этот чрезвычайно опасный преступник мечтал примерить на себя лавры лицедея. Отчасти у него это получалось: страсть к игре вылилась в огромное количество ролей, которые он исполнял в реальной жизни.

Каждый раз, глядя на Зефа, Павел Войтович думал о том, что он очень напоминает ему Авилова. Тот так же умел носить маски, как, впрочем, и любой другой человек. Но Зеф отличался от всех небывало высоким уровнем мастерства и способностью мгновенно перемещаться из одной роли в другую. За одну лишь беседу Зеф мог примерить на себя огромное количество амплуа, что крайне утомляло и заставляло терять бдительность. Однако Войтович, зная о любви Зефа к подобным перевоплощениям, умел ставить барьер между собой и его эмоциональным захватом. Наверное, поэтому Зеф уважал Войтовича более чем кого-либо, так как чувствовал, что не в силах завладеть умом и чувствами этого человека.

– Энвер, – позвал Зеф своего первого помощника, – будь добр, организуй мне кофе. Пожалуйста.

Зеф всегда выражал свои желания в просьбе. Это подкупало и словно говорило о том, что он никогда не ставит себя выше других. Однако те, кто хорошо знал его, не обольщались на этот счет. Мягким хриловатым голосом, с улыбкой на губах, Зеф неумолимо напоминал о том, что является самой важной персоной в комнате. И его вежливая просьба несла в себе оттенок

снисходительности, но никак не равенства, которое остальные ошибочно интерпретировали в свою пользу.

Энвер быстро сделал заказ в ресторане отеля и отчитался боссу.

– Хорошо. Спасибо, – отвлеченно проговорил Зеф, разглядывая улицу из окна. – Город очень изменился.

В Петербурге он был лишь однажды, когда Россия еще именовалась Советским Союзом. В ту пору он, бедный албанский студент, учился в Москве в РУДН, так он теперь называется, на медицинском факультете. Оттуда он был с позором отчислен за неуспеваемость. Ленивый, склонный к развлечению, Зеф большее внимание уделял московским красоткам, чем учебе. Вернувшись в Албанию, получив от отца немало упреков, он быстро изменил жизненные приоритеты и поступил в Тиранский политехнический университет, который впоследствии блестяще окончил. После этого последовало обучение в Сорбонне, где он изучал право и иностранные языки.

Именно в Париже Зеф приобрел знакомства, которые ввели его в криминальный мир и впоследствии сделали лидером, объединившим албанские наркокланы в единую структуру. Наконец, Зеф нашел сферу, в которой мог проявлять свои многочисленные способности в полной мере. Обманом, а подчас и силой, он соединил разрозненные мелкие группировки и превратил их в разветвленную сеть глобальной криминальной организации, которая занималась производством и поставками героина в страны Европы. Политическая и экономическая ситуация на его родине сыграла ему на руку, позволив сделать из Албании транзитную магистраль по доставке наркотиков. Его картель делился на несколько наркокланов, каждый из которых контролировал свой участок наркотрафика. Но подчинялись все Зефу Ноли и без его согласия не могли принять ни одного решения.

Как получилось, что из примерного гражданина Зеф превратился в преступника? Этот вопрос волновал многих, только не самого Зефа. Криминальная, запретная сторона жизни всегда влекла его. Уже в Москве, находясь среди тысяч студентов-иностранцев, он быстро понял, как это приятно – обладать большими деньгами. Будучи честным врачом, которым он намеревался стать, невозможно представить свою жизнь роскошной. Советский Союз, в отличие от западного сообщества, не терпел любителей излишеств, поэтому с ним пришлось попрощаться. Зато жизнь в этой стране научила тщательной конспирации, умению скрывать свое настоящее лицо от окружающих. Это очень пригодилось Зефу в дальнейшем. Вернувшись в Тирану, Зеф впервые столкнулся с наркотиками и тем, какой доход они могут приносить. Однако в то время албанцы являлись лишь курьерами турок и весьма сильных болгарских криминальных структур. Самостоятельных мафиозных группировок в Албании не существовало. Поэтому Зеф стал наемником одного турецкого наркодельца и взялся за перевозку героина во Францию. Он очень нуждался в деньгах. Его молодая жена ждала близнецов, кроме того, Зеф не представлял себе обычной жизни рядового служащего, перебивающегося на скромные гроши.

В Париже жизнь свела его с Вальмиром Коломби, который был сторонником проекта «Великая Албания», ратующим за воссоединение всех территорий, некогда принадлежавших стране. Ярый националист, Коломби не гнушался использовать противозаконные методы для увеличения казны своей организации. Главным из них являлась торговля наркотиками. В девяностых к нему присоединились лидеры вооруженных формирований, и организация стала настолько мощной и влиятельной, что потеснила турецкую наркомафию, лидирующую на рынке, и вступила в сотрудничество с итальянскими «семьями».

Так албанцы с беззастенчивой наглостью вторглись на территорию Европы. Пышущий жадностью и стремлением подчинить весь мир, Вальмир привлек внимание Генриха, который единолично контролировал наркотрафик Европы и не собирался сдавать свои позиции. Генрих, неприметный мужчина в мятом изношенном костюме, вышел на Зефа, занимающего при Вальмире пост управляющего. Первый среди подчиненных – так он охарактеризовал его поло-

жение. Он внес в душу Зефа семена раздора, и тот заразился ненавистью к человеку, который поднял его наверх преступного сообщества. А потом Генрих сделал предложение, и Зеф ухватился за него. Спустя неделю, при непосредственном участии людей Генриха, Вальмир погиб, и Зеф Ноли стал главным лицом картеля. В отличие от своего предшественника, он отбросил идеи объединения Албании. До этого ему не было дела. Все свои усилия он направил на обогащение организации, что у него блестяще получалось. Однако, став первым среди албанцев, он так и остался вторым после Генриха. Этот невзрачный человек, которого он видел лишь трижды, держал в своих руках все криминальные структуры Европы. Организация Зефа не была исключением. Кроме нее, в картель под названием «Аквилон» – оттого что он базировался в северной части материка – входили итальянцы, турки, русские, англичане, бельгийцы и многие другие. Всего было семь отделений, которые, в свою очередь, контролировали личные территории, но беспрекословно подчинялись Генриху. Он был всесильным императором «Аквилона», проигнорировать рекомендации которого означало бы неминуемую смерть, причем не только ослушавшегося, но и всей его команды. На Генриха работало огромное количество наемников, им щедро платили, и они выполняли любое приказание, даже то, которое поражало жестокостью и сложностью. Любой член «сектора» страшился навлечь на себя гнев Генриха, зато, находясь в его милости, можно было ничего не бояться.

Зеф тяготился тем, что пребывал под постоянным контролем своего невидимого босса. Его жаждущий власти характер не умел подчиняться, он делал это с яростью в глазах и скрипя зубами. Желание изменить ситуацию в свою пользу давно овладело им. Зеф много лет обдумывал пути выхода из «Аквилона», из-под начала Генриха, но тщетно. Генрих никого не отпускал, подтверждением этому были события, произошедшие четыре года назад в Лимбурге, когда Генрих безжалостно уничтожил два сектора. А все только потому, что у него появились сведения, будто в одну из групп был внедрен сотрудник Интерпола.

– Кофе, – послышался за спиной голос Энвера, и Зеф обернулся.

Энвер был моложе Зефа на двадцать лет, сейчас ему было чуть больше сорока. Зеф любил называть его мальчишкой, потому что рядом с ним ощущал себя старцем. Подвижный, обаятельный, лживый – Энвер напоминал Зефу его самого, вернее, того, кем он был когда-то. Энвер был крестным отцом внучки Зефа, а это говорило о высшей степени доверия, которую он испытывал к своему помощнику. И тем не менее Зеф многое утаивал от Энвера, зная, что если тот вдруг узнает его тайну, немедленно обратит это против него.

– Войтович будет через пятнадцать минут, – напомнил он, указав боссу, что тот все еще не одет. – Я подготовлю костюм.

– Пусть этим займется Пирро, – сказал Зеф и улыбнулся. – Или ты решил примерить на себя роль мажордома?

– Вовсе нет, – бросил через плечо Энвер.

– Хм... – усмехнулся Зеф, взял в руки чашку и принялся. – Немцы говорят, что кофе должен быть горячим, как преисподняя. Черным, как черт. Чистым, как ангел, и сладким, как любовь. Все условия соблюдены. Отменный напиток. Напомни мне выразить благодарность тому, кто его готовил.

Зеф всегда благодарил за доставленные удовольствия, это было его отличительной чертой. Энвер улыбнулся, подумав о том, что люди, которым Зеф говорил «спасибо», обычно не радовались. Они краснели, боялись дышать и мечтали, чтобы этот колоритный старикашка скорее закончил поток льстивых слов и удалился.

Через несколько минут Зеф уже застегивал пуговицы на пиджаке, готовясь к визиту Павла Войтовича, поддержкой которого намеревался заручиться.

– На каком языке вы будете вести общение? – поинтересовался Энвер.

– На русском, благо я еще не успел его забыть, – ответил Зеф. – Войтович плохо говорит по-английски.

– Меня смущает, что я не буду понимать ни слова, – нахмурился Энвер.

– Ты вообще не будешь присутствовать. Я желаю говорить наедине.

Энвер в удивлении приподнял брови, но ничего не сказал. Он отвлекся на телефонный звонок и доложил:

– Павел Войтович поднимается в номер.

– Прогуляйся по центру, – сказал Зеф и добавил: – Я расскажу обо всем, что произойдет за время твоего отсутствия.

– Как скажете, – вежливо ответил Энвер.

* * *

Павел Войтович приказал охране ожидать его в машине, либо пройти в один из ресторанов отеля. Авилов начал возмущаться, недовольный тем, что ему запретили присутствовать при столь важной беседе, однако быстро остыл, когда Войтович угрожающе посмотрел на него. Он немедленно согласился с приказом, поняв, что превышает свои полномочия и выставляет Войтовича в невыгодном свете. В ресторане Авилов с нетерпением ожидал окончания встречи. Он почти ничего не ел, лишь строил предположения относительно цели визита Зефа и думал, как это повлияет на его планы насчет Наумова. Радовало то, что Ирму, так же как и остальных, не допустили к разговору. Сейчас она занималась подготовкой груза, который должен был уйти через четыре дня вместе с замороженными цыплятами в Эдинбург.

Дверь в номер открыл Пирро, пропустил Войтовича внутрь и внимательно оглядел при этом. Войтовича внутренне передернуло от отвращения. Пирро был таким огромным, что внушал трепет одним лишь своим ростом. Но стоило взглянуть ему в лицо, как страх многократно усиливался: широко расставленные болотного цвета глаза, черные взлохмаченные волосы, маленький, шириной в два пальца, лоб и порванные, неровно сросшиеся губы. Войтович сделал вид, что не смутился от столь отталкивающего зрелища, кивнул Пирро в знак приветствия и подошел к Зефу. Ноли усмехнулся, зная, какие чувства у людей вызывает Пирро. Он и сам порой пугался, глядя своему охраннику в лицо. Но в его окружении не было человека преданней, чем эта безобразная обезьяна. За это Зеф ценил парня, как и за то, что тот умел молчать, когда нужно, а говорил лишь в том случае, если ему давали разрешение.

– Павел, – Зеф пожал теплую руку и указал на диван. – Присаживайся. Сложно быть хозяином в чужом городе, поэтому уступаю тебе право первенства, тем более что я приехал с протянутой рукой.

Войтович сразу догадался, что тот перешел к делу.

– Тебе нужны деньги? – спросил он. – Если так, только скажи, сколько?

– Ах, Павел! – рассмеялся Зеф, показав маленькие блестящие зубы.

«Чертова акула», – улыбнулся Войтович, чувствуя, что попадает под обаяние этого приятного на вид старика.

– Неужели ты думаешь, что мне нужна материальная поддержка? – продолжил Зеф и развел руки в стороны, намекая на нелепость подобного предположения.

– Тогда что?

Войтович удобно устроился на диване и обвел взглядом номер. Роскошный, так можно было охарактеризовать окружающую обстановку. Впрочем, Зеф не жалел денег на себя: он любил комфорт, который, по его мнению, отражался в цене. Чем дороже, тем лучше, считал Зеф, и почти всегда это соответствовало действительности. Однако иногда он ошибался. Их встреча была тому подтверждением. Внутренне Войтович чувствовал: предложение, которое выдвинет Зеф, будет слишком дорогое стоить. Но кто из них будет платить по счетам, еще предстоит разобраться.

– Разговор пойдет о Генрихе, – сказал Зеф.

Голос его утратил дружелюбные нотки, стал жестким и отрывистым. И скрипучести в нем появилось еще больше. Он звучал, как старое колесо, готовое развалиться от ударов о камни, разбросанные по дороге.

– У меня есть сведения о том, что Генрих намерен оставить деятельность.

– Он сам сказал тебе об этом? – улыбнулся Войтович.

Зеф недовольно раздул ноздри, понимая, на что намекнул Войтович, и сокрушенно покачал головой.

– Ты знаешь, что Генрих ни с кем не общается после покушения, которое устроили на него десять лет назад. Его координатор летал в Лондон к Габи Тасман. Ходят слухи, что эта рыжая сучка возглавит «Аквилон» после отставки Генриха.

– И как это отразится на мне? – спросил Войтович.

– Габи упразднит твой сектор.

– Это твое предположение или у тебя был разговор с ней? – спросил Войтович, чувствуя, как внутри все начинает холодеть от возможных перемен.

– Пока только предположение. – Зеф внимательно посмотрел на Павла. – Но ты не мог не заметить, что в твой регион уменьшились поставки, да и от тебя просят не так много, как раньше. А ведь «синтетика», которой славится Петербург, весьма востребована в Европе. Тебя незаметно смещают, Павел.

Войтович молчал, обдумывая слова Зефа. Все, о чем он говорил, было похоже на правду. В последнее время товарооборот значительно уменьшился. Но была ли этому причиной реорганизация в «Аквилоне», мог знать только Генрих. А он ни с кем из управляющих секторов не общался напрямую. Все приказы от него поступали через Макса де Фриза – главного координатора, который не придерживался чьей-либо стороны. Он и его команда бесстрастно выполняли распоряжения Генриха. Слово «бесстрастно» наиболее подходило к описанию деятельности, которую осуществлял де Фриз. Он с одинаковым спокойствием наказывал и поощрял, убивал и миловал. Никаких эмоций, только действия, которые санкционировались самим Генрихом. Можно сказать, что Макс де Фриз был единственным связующим звеном между Генрихом и «Аквилоном». Генрих был кучером, который умело управлял упряжкой – секциями картеля, расположенными в разных частях Европы, а де Фриз являлся сбруей, которая, собственно, и держала упряжку лошадей в повиновении. Генрих никому не объяснял мотивов своих действий, он руководствовался лишь собственными соображениями, а остальные выполняли приказы беспрекословно. Почему никто не бунтовал? Всех устраивало подобное положение вещей. Генрих был мудрым управленцем, у него были серьезные связи: в полициях всех стран ЕЭС, в Интерполе, среди сенаторов, политиков, бизнесменов – всегда был кто-то «высокий», имея доступ к которому Генрих решал вопросы. Именно он придумал схему разделения рынка, которая успешно функционировала до этого момента. Каждая секция занималась определенным видом деятельности, не вмешиваясь в другие. Кто-то занимался марихуаной, другие – изготовлением синтетических наркотиков, третьи – кокаином, опиумом. Конечно, внутри каждой секции действовали свои законы, большинство кланов имело легальный бизнес во многих странах Европы, и эта вполне законная деятельность находилась вне контроля Генриха. Однако все, что касалось наркотиков, проходило только через него. Здесь никто и шагу не мог ступить, не отчитавшись при этом боссу. Конечно, кроме «Аквилона», существовали и другие преступные организации, но они не были такими успешными и тщательно законспирированными, как та, которой руководил Генрих. Он усердно охранял своих людей, и ни один из них не пострадал за последние двадцать лет, не считая бойни, которая произошла четыре года назад под Лимбургом. Тогда Генрих защищал себя, а заодно показал всем, что бывает с предателями, которые хотят навредить ему и «Аквилону».

– Как я понял, ты намереваешься сместить Генриха, – сказал Войтович.

Зеф Ноли пошевелил шеей, будто она затекла и болела. Лицо его стало бледным, но в нем не было ни тени страха или сожаления о том, что он собирается сказать.

– И предлагаю тебе стать координатором.

Войтович прошелся по номеру. Потом остановился и рассмеялся.

– Не понимаю. Для чего ты это делаешь?

– Генрих слишком осторожничает и жадничает. Он перекрыл воздух. Думаю, без него будет лучше всем. Я пошутил, когда сказал, что возьму тебя в подручные. Нет, этого не будет. Мы сейчас исполняем вторые роли. Думаю, тебе это и самому надоело. Я предлагаю разделиться. Сотрудничать, но при этом не быть единой организацией, которая больше запрещает, чем спланирует. Павел, подумай, зачем нужен этот альянс? Генрих удерживает нас, не дает возможности развернуться. Он контролирует и поставки, и производство, и продажу. Подобная модель устарела. Диктатура больше не в чести. Пора брать за основу другие ориентиры...

– Что за агитацию ты ведешь? – тихо спросил Войтович.

Он был застигнут врасплох подобными речами и не знал, как реагировать на предложение Зефа. С одной стороны, оно было заманчивым, с другой, – рискованным. Выйти из-под контроля Генриха означало лишиться поддержки и поставить под угрозу весь бизнес, а также себя и свою семью. Но получить свободу от картеля – это представляло особую ценность.

Зеф вышел в центр комнаты и повернулся к Войтовичу. Он почувствовал, что тот заинтересован, и это окрылило. Поддержка Войтовича была бы весьма кстати. Опытный руководитель, он был бы хорошим партнером, куда менее осторожным, чем Генрих. Ему не нужно было отчитываться, с ним можно было сотрудничать на равных. Мелких дилеров и распространителей Зеф не брал в расчет. Он вообще не общался с «низами». Только верхушка была его целью. То есть люди, которые в принципе и руководят группировками, проворачивают крупные сделки и не боятся преследования, так как благодаря своему статусу и скрытности находятся вне досягаемости органов, ответственных за поимку преступных лиц, какими они, по сути, и являются.

В отличие от других групп «Аквилон» не занимался нелегальной торговлей оружием, проституцией и другой деятельностью, приносящей огромные доходы. Секторы не вмешивались в политику или экономику, в этом «Аквилон» отличался от других сообществ, вроде мексиканских и колумбийских картелей, японских якудз и китайских триад, которые чем только не занимались: начиная с азартных игр, игр на бирже и внедрения своих людей в правительство, заканчивая банальными вымогательствами. Хотя из всех вышеперечисленных именно колумбийцы были наиболее близки к «Аквилону» по уровню организации деятельности. Они также мирно вливались в общество, управляющие картелями выступали в роли честных предпринимателей, которые разумно вкладывали деньги в бизнес. «Аквилон» существовал по тому же принципу. Никаких террористических актов, политических разборок, банковских махинаций и тому подобного. Только наркотики, и больше ничего. Ну и соответственно отмывание денег через международную сеть подставных фирм. Они были своего рода отщепенцами, но этот факт имел огромное значение для всех, с кем «Аквилон» сотрудничал. Как бы странно это ни звучало, но оттенок благородства, который носили в себе приближенные Генриха, действовал на дикарей из Азии и Латинской Америки, как манок. Это был стопроцентный кредит доверия.

Зеф понимал, что, просто сместив Генриха, он лишится всего этого. Убить или подставить Генриха будет недостаточно. Он лишь ослабит организацию, но не получит желаемого. Нужно, чтобы остальные управляющие приняли его кандидатуру на роль координатора, а этого можно было достичь только одним путем – получив в руки информационную базу, которая принадлежит Генриху. Досье на политиков разных уровней, полицейских, таможенные «окна», осведомителей – все, что позволяет управлять организацией, находясь при этом в безопасности.

Свои мысли он детально изложил Войтовичу. Тот молча слушал и лишь изредка округлял глаза, словно удивлялся наглости говорящего.

– Чтобы иметь возможность получить базу, нужно вступить в контакт с Генрихом. Мы даже не знаем, где он находится.

– Но мы знаем, как выйти на де Фриза. – Зеф многозначительно посмотрел на Войтовича.

– Предлагаешь вести за Максом слежку? – усмехнулся Войтович. – Думаешь, он настолько глуп, что выведет нас на Генриха?

– Разумеется, я высоко ценю его умственные способности. Но Макс лишь посредник, и все вопросы решаются Генрихом. Если мы говорим ему о какой-либо проблеме, то он всегда связывается с боссом. Вряд ли он делает это по телефону, значит, выходит непосредственно на личный контакт.

– А в чем будет заключаться моя роль? – спросил Войтович.

– В поддержке моей кандидатуры на роль координатора. Как только база будет у меня...

– Тебе придется избавиться от де Фриза, чтобы приблизиться к Генриху, – перебил его Войтович.

– Знаю.

– Я поддержу тебя, – сказал Войтович, несколько помедлив. – С одним условием. Ты отпустишь меня, как обещал. Делай с «Аквилоном» что пожелаешь, но дай возможность мне выйти из дела. Хочу закончить эту главу в моей биографии.

Зеф испытующе взгляделся в лицо Павла. Они были знакомы уже много лет и прекрасно понимали, когда кто-нибудь из них принимал важное решение, которое не собирался менять.

– Уверен? – спросил он.

– Более чем когда-либо, – ответил Войтович.

– Согласен. А теперь слушай. Я сообщу де Фризу о том, что танкер с товаром, который сейчас идет в Гамбург из Мексики, не дошел до конечного пункта. Ты также подтвердишь, одновременно со мной, что сбился график поставок. Де Фриз вынужден будет обратиться к Генриху. Светиться я не стану. Для начала установлю место, где обитает Генрих. А там решим, что делать дальше.

– Когда ты свяжешься со мной? – спросил Войтович.

– Как только узнаю местонахождение Генриха.

Зеф сделал довольное лицо, говорящее, что он удовлетворен результатом беседы. Войтовичу же показалось странным, что тот прилетел в Петербург только для того, чтобы заручиться поддержкой. Он решил, что в то время как Зеф будет следить за Максом, отправит Ирму следить за самим Зефом. Это будет наиболее правильным решением, потому что подобное предложение настораживало своей простотой. Уж слишком мелкой была просьба, ради которой Зеф прибыл на чужую территорию. В то же время Войтович подозревал, что его проверяют. Если подобное имеет место быть, то стоит себя обезопасить, послав Ирму проверить обстановку.

Выйдя из номера, он медленно спустился вниз и кивнул Авилову, который стал красным от перевозбуждения.

– Все в порядке, Павел? – спросил он, смешно двигая бровями. – Какова цель визита?

– Реорганизация, – просто ответил Войтович и направился к выходу.

* * *

Поздним вечером Авилов позвонил Наумову и сказал, что планы меняются. Вернее, они замораживаются до прояснения обстоятельств. Трусливый Наумов с радостью согласился.

– Пейве пока не трогаем, – продолжил Авилов. – Похоже, что завтра она вылетает в Амстердам. Там ее нам не достать. Пусть птичка вернется.

– Согласен. Подождем.

В это же время Зеф Ноли готовился к вылету в Гамбург. Он наблюдал за тем, как Пирро укладывает вещи в чемодан, и раздумывал над тем, поверил ли ему Войтович. Наверняка поверил. А если усомнился на мгновение, то вскоре обдумает ситуацию и придет к выводу, что поводов для недоверия нет.

Зеф спустился в бар отеля и заказал себе выпить. За стаканом виски он немного расслабился. Напряжение, в котором он пребывал последние дни, начало спадать. Он снова подумал о Войтовиче и управляющих остальных секторов. Со всеми он провел подобную беседу, уговаривая избавиться от удушающего контроля Генриха. Кроме того, Зеф убедил каждого, что Генрих ведет двойную игру, сотрудничая с полицией.

– Мой человек не лжет, – говорил он. – Генрих сливает информацию. Он защищает себя, а на нас ему плевать. Но если мы объединимся, то уничтожим его раньше, чем он уничтожит нас.

После таких слов все были готовы пойти за ним, однако сам Зеф Ноли преследовал иную цель. Его не волновали преобразования в «Аквилоне», его беспокоило собственное будущее, оказавшееся под угрозой.

Месяц назад он попал в руки сотрудников Интерпола. Каким образом они вышли на него и откуда у них оказались сведения о его деятельности в картеле, он до сих пор не мог понять. Единственным объяснением тому был внедренный в ряды сектора агент. Причем он должен занимать высокое положение, раз ему хорошо известна структура албанской группировки и ее связи с остальными секциями. Кроме того, агенты Интерпола были детально осведомлены обо всех поставках в его сектор, они знали, куда и откуда прибывают грузы, кто занимается приемом товара и где его хранят для дальнейшей реализации. Таким образом, Зеф находился под колпаком и прекрасно понимал, что только тесное сотрудничество с агентами даст ему возможность выйти сухим из воды. В обмен на свободу и на беспрепятственный выезд своей семьи из Европы он пошел на контакт. Единственным условием его неприкосновенности была выдача всех управляющих секций и, что самое важное, Генриха. Если первую часть договора он выполнил, то с Генрихом придется постараться. Старый конспиратор так ловко спрятан, что найти его будет очень сложно. Но на Зефа давил Интерпол, и деваться ему было некуда. Завтра он выдаст агентам Войтовича и его команду, после предоставит самого Генриха и его информационную базу. Ведь именно за этими сведениями и велась охота. Интерполу нужен не только сам Генрих и его организация, но и список тех, кто сотрудничает с ним. Коллеги-наркоторговцы, обеспечивающие «Аквилон» товаром, политики и бизнесмены, прикрывающие сделки, полицейские, сотрудники портов и аэропортов, ответственные за беспрепятственное прибытие грузов в Европу – в этой информации нуждались агенты Интерпола. А получить ее можно было только в одном случае. Как ни крути, но все ниточки вели к Генриху.

Зеф заказал себе еще виски и тихо вздохнул. О том, что он ведет диалог с Интерполом, знал лишь Пирро. На его молчание можно было положиться, так как он работал непосредственно на Зефа и ему было крайне безразлично, что случится с картелем, когда Генрих будет в руках полиции. Пирро интересовало благополучие хозяина, до остальных ему не было дела. А вот Энвер непременно бы избавился от босса, узнав, что тот ведет двойную игру. Поэтому Зеф молчал и вел себя крайне осторожно.

Итак, сегодня он летит домой, в Гамбург. И уже завтра назначит встречу с де Фризом. Осталось совсем немного. Потом он заберет семью и уедет. Препятствий ему чинить не будут, так было заявлено. Хотя где-то в глубине души Зеф чувствовал, что сделать это будет крайне непросто. «Аквилон» не прощает предателей и всегда наказывает оступившихся. Зеф понимал, что в случае проигрыша его ждет смерть, и при мысли о ней дрожал от страха. Он не знал, чего больше боится – гнева Генриха, угроз Интерпола или своей совести, которая не давала спать и мучила, напоминая о том, что, спасая себя, он губит всех.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 8

В Управлении федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков с самого утра царил суматоха. Сначала на общей планерке генералу Махову стало плохо. Он вдруг резко покраснел и обмяк в кресле, пришлось даже вызвать «Скорую помощь». Генерал отказывался, несвязно бормотал, что чувствует себя хорошо, но слушать его никто не стал. Перепугались все, в том числе и начальник управления, которого уже давно беспокоило здоровье коллеги и близкого друга. Он не отходил от Махова ни на минуту, вплоть до приезда медиков. Да и после их отъезда долго находился с Алексеем Константиновичем в его кабинете, в то время как тот, тяжело дыша, лежал на диване.

– Леша, в больницу бы тебе. Отдохнуть, отлежаться. С давлением не шутят...

– Будет тебе, – отмахнулся генерал Махов. – Сейчас все пройдет. Ты же знаешь, что я гипертоник со стажем. Привык уже.

– Давай машину вызову. Возьмешь пару выходных. Побудешь дома, с семьей.

– Семен, ты мне сейчас Таню, жену мою, напоминаешь, – улыбка осветила лицо Махова. – Упрашиваешь, речами сладкими успокаиваешь.

– Дурень ты. – Семен Аркадьевич снисходительно посмотрел на генерала. – Забочусь я о тебе. И о себе. Не хочу, чтобы ты умер раньше времени, да еще у меня на руках.

– Ну, так иди в свой кабинет.

– И пойду, – согласился Семен Аркадьевич и лукаво прищурился. – Сейчас Катя измерит тебе давление, а там посмотрим.

Он вызвал своего секретаря и с беспокойством наблюдал, как она ловко работает с тонометром.

– Давление падает, – отчиталась рыжеволосая веснушчатая Катерина, посмотрев на начальника. – Медики оставили таблетки, но думаю, что они не понадобятся. Укол уже начал действовать. – Она повернулась к Махову. – Вы полежите еще, Алексей Константинович. Не вставайте хотя бы часок. Дела подождут.

– Много ты понимаешь, – ворчливо отозвался Махов. – Иди, Семен, не стой надо мной.

Он проследил глазами, как тот уходит, и, с трудом поднявшись, подошел к столу. Минуту собирался с силами, потом взял телефон и позвонил в кабинет полковника Илина. Трубку поднял Гордеев.

– Зайди ко мне, Антон, – сказал Махов и оперся спиной о мягкую спинку кресла.

Затылок нещадно болел, в ушах стоял такой шум, что Махов на некоторое время потерял ориентацию, пытаясь сообразить, где находится. Перед глазами мелькали мушки, и хотелось отмахнуться от них, чтобы не мешали своим беспорядочным движением. Такого криза уже давно не было. Не то чтобы генерал испугался возможности инсульта, скорее огорчился. Он чувствовал себя крайне усталым, а это означало, что о работе на некоторое время придется забыть. В таком состоянии он не мог не то что думать, он не мог стоять, не боясь при этом упасть.

Гордеев осторожно заглянул в кабинет, неслышно подошел к столу и склонился над генералом. Глаза того были закрыты, и он подумал, что Махов не заметил его появления.

– Алексей Константинович, вы как?

– Как огурец, – ответил Махов, открыв глаза, и Антон улыбнулся. – Кислый и противный на вкус. Когда Илин вернется?

– Обещал к вечеру.

Полковника Илина срочно вызвали в Москву, в главный офис департамента собственной безопасности. Отсутствовал он уже второй день, что особо беспокоило и Гордеева, и самого Махова. По телефону Илин так ничего и не сказал о причинах спешного отъезда, но вот-вот должен был вернуться и объясниться. Генерал Махов был частично осведомлен, для чего Илина пригласили в Москву, но Антону Гордееву ничего не говорил, поэтому тот откровенно мучился от неизвестности.

– Со мной вчера связался муж Тани Михайловой, – сказал Гордеев. – Передал флэш-карту. Таня оставила кое-какие заметки по расследованию.

– И что там?

– Ничего особенного. – Гордеев смешно подвигал носом, словно готовился чихнуть. – Характеристика Наумова и его ребят, контакты. С кем встречаются, где проводят свободное время, на что тратят деньги.

– Только команда Наумова? – спросил Махов, в удивлении приподняв брови.

– Да... – протянул Гордеев. – Меня это тоже смутило. Если она проверяла несколько групп, то почему особое внимание уделила лишь подполковнику Наумову? Но, к сожалению, какой-либо важной информации в ее заметках я не нашел. Несколько фото, где Наумов запечатлен с неким господином, причем не очень хорошего качества. Видимо, снимала с телефона и с дальнего расстояния.

– Это все?

Гордеев виновато кивнул.

– Негусто, – отозвался Махов. – Ладно, Антон, ступай к себе. Сообщишь, когда вернется Илин.

Антон остался стоять на месте. Маленького роста, с мягкими выющимися волосами, курносый нос, стройный и изящный, он был похож на юную барышню, а никак не на тридцатилетнего мужчину. Махов вспомнил, что ребята из отдела шутливо называли Гордеева Антуаном и дико смеялись, когда тот начинал злиться в ответ на это прозвище. Он краснел, кудряшки разлетались в разные стороны, и приобретал еще большее сходство с девицей. Однако Махов никогда не обращал внимания на миловидную внешность капитана. В первую очередь он видел в нем профессионала, человека, увлеченного работой, обладающего твердым характером, и только потом улыбался, глядя на курносый нос, тонкие ухоженные руки и маленького размера обувь. Все-таки редко можно было встретить мужчину, в котором изнеженная внешность совмещалась с далеко не ангельским поведением. Гордеев был весьма жестким человеком, однако в большинстве своем он пребывал в спокойном расположении духа, ни с кем не конфликтовал, отличался мягкостью и спокойствием. Лишь когда требовали особые обстоятельства, в нем просыпался охотник, и в такие мгновения уже никто не замечал его румяные щеки и мягкий абрис губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.